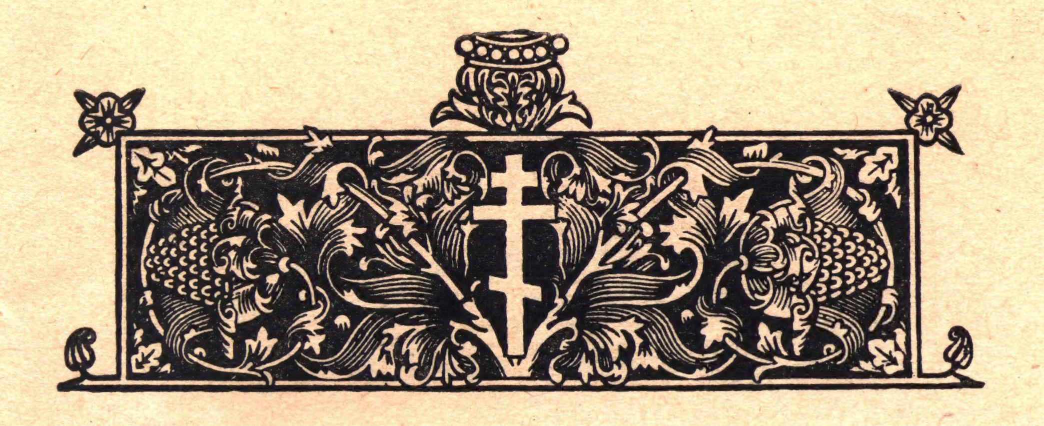
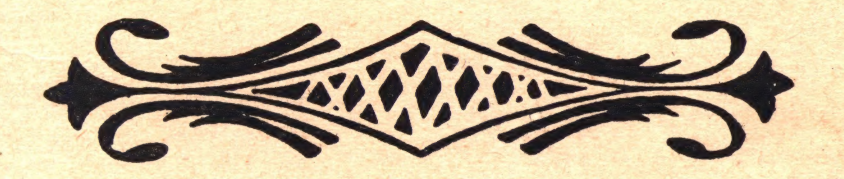

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

12

1945

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Ответственный редактор
ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

Член редакционной комиссии
НИКОЛАЙ, МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ

Ответственный секретарь редакции
ПРОТОИЕРЕЙ А. П. СМИРНОВ

№ 12

Декабрь 1945 года

ПРАЗДНИЧНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

ЧИТАТЕЛЯМ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Приветствую читателей нашего журнала с Новым годом и с радостью праздника Рождества Спасителя нашего, сшедшего с небес и родившегося на земли, чтобы возродить нас от жизни земной в жизнь небесную.

Рождеством Своим Господь принес на землю мир и благоволение человекам, как пели святые Ангелы, и даже жизнь, как сказует Он Сам: «Аз приидох, да живот имут». Да пребывает в нас, по вере нашей, Его благодатная жизнь; и Своею вышнею силою да охраняет и укрепляет и жизнь естественную; да приложится нам по милости Его и прочее благое и полезное нам.

Новое лето благости Своей да благословит нам Бог духовным обновлением жизни и сил душевных и телесных, да будет эта жизнь наша вся во славу Жизнодавца — Господа.

Милосердием Божиим мы встречаем Новый год и великий праздник Рождества Христова не только в обстановке мира, но и в условиях напряженного стремления нашего Правительства и Правительств миролюбивых народов к устранению на все времена возможностей новых войн и к установлению длительного, вечного международного мира.

Не слышен более в небесах страшный гул смертоносных снарядов; каждый из нас, мирных жителей, может спокойно делать свое мирное дело и каждый может и должен вносить свою долю участия в общее дело мира.

Да благословит же Господь это богоугодное стремление народов к мирному строительству счастливой и радостной жизни!

Да утолит многоразличные скорби, понесенные всеми нами во время войны.

Да утешит нас ниспосланием Отечеству нашему мира и благоволения Своего!

Да дарует нам новое лето благоприятное и исполненное Своей Божественной благодати и благословения!

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

Церковная жизнь

ПРАВОСЛАВНЫЕ РУССКИЕ ПРИХОДЫ В ГЕРМАНИИ

Для ознакомления с церковной жизнью Православных русских приходов на территории Германии (в советской зоне) Святейшим Патриархом были командированы в Берлин: управделами Московской Патриархии протопресвитер Николай Феодорович Колчицкий и благочинный г. Москвы протоиерей Феодор Павлович Казанский.

В советской зоне не оказалось ни одного православного храма, их нужно было разыскивать в английской и французской зоне Берлина.

Проезжая по улицам немецкой столицы, мы убедились, что Берлина, в сущности, нет, — есть только развалины. То, что фашисты готовили для Москвы, желая превратить ее в груду развалин, они получили сами.

В Берлине оказалось 3 православных русских храма.

Воскресенский собор, построенный лет десять назад, в древнерусском стиле, однопрестольный. Среди общих развалин вокруг храм оказался почти уцелевшим; имеется только маленькая пробоина в куполе и выбиты стекла, но сейчас храм находится в полном порядке. Священнослужителями Собора в настоящее время состоят: протоиерей Кратиров Димитрий, кандидат богословия Петербургской духовной академии — настоятель, его помощник священник Кравчин Григорий, протодиакон Помогайбо Николай и псаломщик Покровский И. Узнав о нашем прибытии, весь причт сердечно приветствовал нас и выражал глубокую благодарность Святейшему Патриарху, приславшему своих представителей. «У нас единственный путь, единственное желание, — говорили они, — скорее воссоединиться с Матерью-Церковью, и мы счастливы, что этот момент для нас настал».

Второй православный храм в Берлине во имя Князя Владимира на Находштрассе, 10. Этот храм помещается в доме и имеет вид домовой церкви, но довольно вместительный. Священнослужителями при нем состоят: протоиерей Положенский Сергей Сергеевич, исполняющий должность настоятеля, священник Радзюк Михаил, диакон Алексеенко Николай Маркович и псаломщик Левицкий Николай Иванович.

Третья церковь — Константино-Еленинская на православном русском кладбище в Тегель. Священнослужителями при ней состоят: протоиерей Закидальский Аркадий — настоятель, его помощник — протоиерей Закидальский Платон, псаломщик Грабовский Александр Григорьевич. Здесь же, при кладбище, проживает Высокопреосвященнейший Александр (Немоловский) — архиепископ Брюссельский и Бельгийский.

За выступление против Гитлера архиепископ был арестован в 1940 г. и заключен в тюрьму; его заковали в кандалы и с дощечкой на груди «Враг № 2» привезли в Берлин. До взятия Берлина Красной Армией

он находился под домашним арестом с запрещением служить, проповедовать и выходить за пределы кладбища; ему было разрешено только служить панихиды на могилах, что и являлось источником его существования. С 30-го апреля 1945 г., дня взятия Берлина, архиепископ находится на свободе и возглавляет Православную Русскую Церковь в Берлине.

Архиепископ Александр раньше принадлежал к церковной группе, возглавляемой Митрополитом Евлогием в Париже. 2-го сентября этого года Митрополит Евлогий, а в лице его и все подчиненные ему архипастыри и пастыри были воссоединены с Матерью-Церковью Митрополитом Крутицким Николаем в Париже.

Очень трогательной и сердечной была наша встреча с архиепископом Александром. Он много раз подходил к нам, обнимал нас, целовал, говоря: «Неужели я вижу московских батюшек? У нас теперь один путь — скорее воссоединиться с Матерью-Церковью». И тут же Владыка наметил собрать все берлинское духовенство, побеседовать с ним, а 14-го октября, в день праздника Покрова Божией Матери, в Воскресенском Соборе, в сослужении всего духовенства, совершить Божественную литургию, за которой начать поминовение Патриарха и тем самым фактически воссоединиться с Матерью-Церковью.

Владыке Александру 65 лет, но он еще бодрый и полный энергии и сил. В лице архиепископа чувствуется тип архиерея аскета и молитвенника. Приезжая к нему несколько раз, мы всегда заставали его в скуфейке и в епитрахили, совершающим свое молитвенное правило.

Мы побывали в Потсдаме, Дрездене и Лейпциге. Потсдам — живописнейший уголок Германии, находящийся в 25 клм от Берлина; там имеется Александро-Невская церковь в поселке Александровка. Богослужение в ней совершает священник Феодор Гилявский. Церковь имеет прекрасную живопись в русском стиле.

Дрезден представляет собой сплошные развалины и на фоне этих развалин рельефно выделяется, каким-то чудом уцелевший, прекрасный русский храм. При храме имеется причт: протоиерей Самойлович Сергий, протоиерей Андрейчук Лука и священник Харченко Сергий. С особенной сердечностью встретил нас причт, заявивший, что они уже давно ждут приезда московских делегатов, чтобы принести покаяние Святейшему Патриарху в своем невольном подчинении карловацкой иерархии и воссоединиться с Матерью-Церковью. Действительно, их покаяние было растворено слезами и молитвой. В своем обращении к Святейшему Патриарху дрезденское духовенство писало:

«Давно лелеянная нами надежда о воссоединении нашем с Матерью — Православной Русской Церковью осуществилась при посредстве присланных Вами к нам представителей.

В чувствах глубокой благодарности Вашему Святейшеству земно кланяемся Вам и благодарим за заботу о нас, оторванных от нашей великой Родины.

Мы чистосердечно раскаиваемся перед Вашим Святейшеством в нашем невольном отрыве от Матери-Православной Русской Церкви.

Как только доблестная Красная Армия освободила нас из-под ига фашистских поработителей, мы сейчас же стали искать путей сближения и воссоединения с Матерью-Церковью.

Перенеся здесь, на чужбине, непомерные угнетения, лишения и гонения, просим Ваше Святейшество о воссоединении и принятии нас под свой святой омофор.

Находясь вынужденно на территории Германии, мы находились в ведении Митрополита Серафима (Ляде); нам особенно было больно выполнять свои священнические обязанности при наличии его профашистской политики, каковую мы резко осуждаем, и от всей души благодарим Господа Бога за наше освобождение и воссоединение с Матерью — Православной Русской Церковью.

Просим Ваших Святительских молитв о нас многогрешных, а мы, со своей стороны, обещаемся быть верными сынами Святой Православной Русской Церкви и великой Родины.

Вашего Святейшества смиренные послушники: протоиерей Сергий Самойлович, протоиерей Лука Андрейчук, священник Сергий Харченко».

Из Дрездена мы направились в Лейпциг. Подъезжая к городу, еще издали мы увидели прекрасный храм-памятник Русской Славы. Он был весь в лесах, ремонт уже заканчивался, и храм выглядел новым.

Храм-памятник в Лейпциге был сооружен в 1911—13 гг., ко дню празднования столетнего юбилея на месте битвы народов в 1813 г., в которой из числа 300.000 участвовавших 120.000 чел. составляли русские, т. е. 40%, и из них 22.000 чел. легли костьми. Храм был построен русским синодальным архитектором академиком Покровским в русском Московско-Суздальском стиле и освящен в 1913 г. Первая мировая война и режим Гитлера привели этот храм в тяжелое состояние. При Гитлере были сняты 4 колокола, позолота с купола и медь с подкупола; похищены облачения, иконы, золотая чаша весом в 1 кг, дискос со звездицей, ковшик, крест и т. д.

В храме две церкви: одна внизу, временная, созданная в последнее время, и вторая на верху — главная церковь — с резным и кованым иконостасом в старом Московско-Византийском стиле — работа и подарок донцов. Верхний храм может вместить до 300—400 молящихся и обладает очень хорошей акустикой. С восточной стороны в храме внизу находится часовня, а под ней, в склепе — останки славных русских воинов — солдат и офицеров, почивших в 1813 г. Средств на содержание храма было очень мало, но русская жертвенность и любовь к Церкви Христовой помогли храму в тяжелые минуты, когда, казалось, что святыня пропадает, ибо немцы хотели храм-памятник «продать с молотка».

Войдя в храм, мы встретили председателя строительной комиссии и профессора Константина Дмитриевича Илича, серба по происхождению, горячего патриота, беззаветно преданного Православной Церкви. Он весь горит желанием привести храм в самый роскошный вид, достойный памятника Русской Славы. Был уже вечер, и мы любовались горящим электрическим крестом на храме; этот крест был отовсюду виден. «Пусть все знают, — говорил профессор, — как русские относятся к своему памятнику старины».

Священнослужителей при храме двое: и. д. настоятеля священник Ф. Соловьев и протоиерей Г. Романович.

Осмотрев храм и познакомившись с духовенством, мы совершили совместно торжественный молебен и панихиду на могиле воинов, в усыпальнице под храмом. Мы были поражены прекрасным пением и чтением профессора Илича, который, как мы потом узнали, дал обет Богу отдать себя на служение Церкви, если выйдет живым из фашистской тюрьмы. Весь вечер мы провели в обществе профессора и причта, рассказывая им о жизни Русской Церкви в последние годы и отвечая на многочисленные их вопросы. Чувствовалось влияние профессора на духовенство: все они горели любовью к Родине. Через нас они передали Святейшему Патриарху прошение:

«Ваше Святейшество, Святейший наш Владыка Патриарх!

Церковный Комитет Русского Храма-Памятника Святителя Алексия, Митрополита Московского, Чудотворца, в городе Лейпциге и все прихожане его долго ждали того дня, который принес бы им освобождение от чуждых нашей русской душе стремлений фашистов и нацистов, ярым представителем которых был здесь ставленник Гитлера и Гиммлера, «Митрополит Берлинский и Германский», немец Серафим Ляде. Много бед и душевных страданий принес он нам, православным русским людям, отлучая нас за нежелание исполнять гитлеровские приказы об отречении от своей Родины — России, от Причастия и Церкви Христовой. Наша победоносная родная Красная Армия во главе со своим великим Иосифом Виссарионовичем Сталиным освободила нас от гнета и насилия Гитлера и его приспешников. Мы как бы вновь воскресли к новой жизни.

Знаменательным для всех нас, православных русских людей в Лейпциге, является сегодняшний день 11 октября 1945 года, ибо в этот великий для нас день прибыли представители нашей Святой Московской Патриархии, отцы: протопресвитер Николай Колчицкий и протоиерей Феодор Казанский и воссоединили нас с Матерью — Русскою Православною Церковью.

Сердечно просим Вас, Ваше Святейшество, принять нас в свое молитвенное общение и под свое Патриаршее покровительство. Со своей стороны мы обещаем Вам, Святый наш и Великий Владыка, быть во все времена Вашими верными чадами и преданными сыновьями нашего Великого и Славного Отечества.

Слава великой нашей Родине, нашему великому народу-победителю, его великому Вождю и Вам, Святейший и великий наш Владыка Патриарх!».

12-го октября 1945 г. Преосвященный Александр собрал в Воскресенском Соборе все духовенство и старостат Берлина, на котором был заслушан наш доклад о жизни Православной Русской Церкви за последние годы.

Преосвященный Александр предложил всему духовенству совершить в Воскресенском Соборе торжественную Литургию в день Покрова Божией Матери с участием всего духовенства и представителей Московского Патриарха и тем положить начало фактическому воссоединению с Матерью-Церковью.

Духовенство горячо приветствовало предложение своего Владыки, тут же выразило свою радость по поводу воссоединения с Матерью-Церковью Святейшему Патриарху в следующих словах:

«Его Святейшеству, Святейшему Отцу нашему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси.

Ваше Святейшество, Святейший Отец и Владыка наш!

Получив 7-го сего октября от делегатов Вашего Святейшества, протопресвитера Н. Колчицкого и протоиерея Ф. Казанского, сообщение о состоявшемся 2-го сентября сего года в Париже объединении всех зарубежных Православных Церквей с Российскою Матерью-Церковью под омофором Вашего Святейшества, шлем Вам выражение нашей искренней духовной радости и торжества по поводу сего возвращения нашего в лоно Матери-Церкви.

Сим свидетельствуем, что отвергаем Карловацкую ориентацию, как раздирающую нешвенный хитон Христов.

Молим Милостивого Господа, да послужит сие объединение во славу родной Православной Церкви и русского народа.

Просим Ваших святых молитв и благословения.

Вашего Святейшества духовные чада».

Заявление было подписано архиепископом Александром и всем духовенством Берлина.

Тут же были посланы телеграммы за подписью всех следующего содержания:

«Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси

Алексию.

Побеждающею пространство сыновнею любовью устремляемся к Святой Матери нашей — Церкви Русской, Православной и повергаем к стопам Ее Ангела, — Вашего Святейшества, чувства верности, преданности и глубокого почитания.

Вашего Святейшества духовные чада: архиепископ Александр, протоиерей Димитрий Кратиров, протоиерей Платон Закидальский, протоиерей Сергий Положенский, священник Феодор Гилявский, священник Аркадий Закидальский, священник Михаил Радзюк, священник Григорий Кравчин, протодиакон Николай Помогайбо, псаломщик Илия Покровский, псаломщик Николай Левицкий, псаломщик Александр Грабовский, церковный староста Владимир Жаравов, церковный староста Николай Васильев и регент хора С. Игнатьев».

Вторая телеграмма была послана Митрополиту Евлогию:

«Высокопреосвященному Митрополиту Евлогию.

Париж.

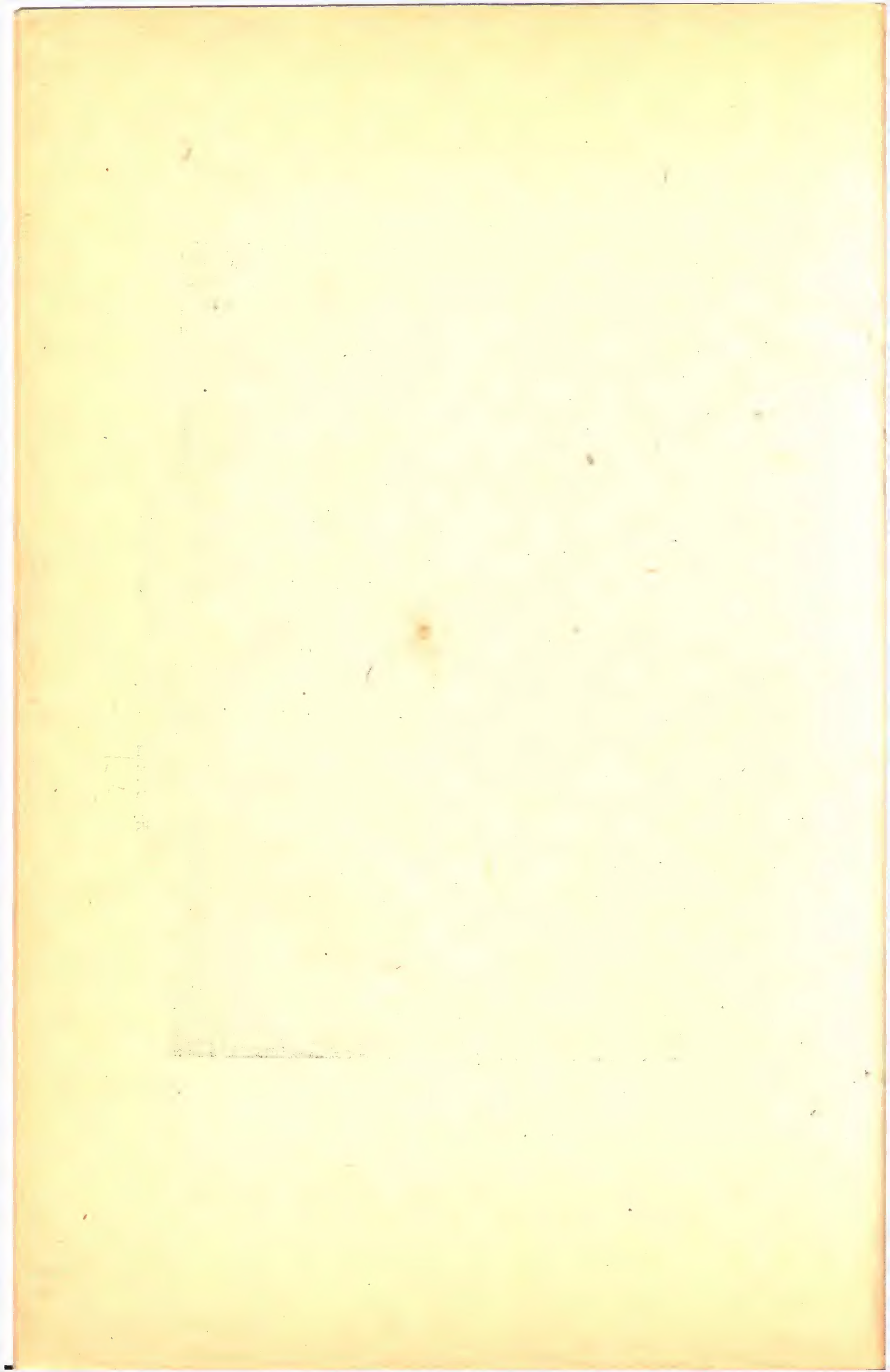
Радостно приветствуем состоявшееся объединение со Святою Матерью-Церковью Русскою, Православною. Следуя Вашему светлому примеру, и мы просим Святейшего Патриарха Всероссийского причислить нас к чадам нашей родной Церкви, приняв под свой святительский омофор.

Просим Вашего благословения и молитв». Те же подписи.

14-го октября 1945 г. в Воскресенском Соборе Берлина состоялась торжественная Литургия, которую совершил архиепископ Александр в сослужении представителей Патриархии: протопресвитера Н. Колчицкого и протоиерея Ф. Казанского и всего берлинского духовенства. Торжественно пели два хора: соборный и церкви Князя Владимира; некоторые песнопения Литургии были исполнены художественно двумя хорами вместе; храм был переполнен молящимися. Осведомленные духовенством своих храмов, в Собор собрались все православные русские, желающие принять молитвенное участие в празднике воссоединения с Матерью-Церковью. В храме царила тишина, чувствовался подъем молитвенного духа, всем вспомнилась Родина, по которой так истосковались сердца живущих на чужбине. После евангелия архиепископ обратился к молящимся со словом, в котором изложил сущность праздника Покрова Божией Матери, столь любимого русским народом, и указал на особенную радость нынешнего праздника:

«Наша Св. Заступница и Покровительница молится за нас и сорадуется нашему нынешнему великому торжеству — единению нас с нашею Св. Матерью-Церковью Русскою Православною.

Храм-памятник Русской Славы в Лейпциге

Таинственно, непостижимо наше духовное рождение. Рожденные, мы не оставляем лона своей Матери, оставаясь членами тела ее, хотя пространственно, рассуждая по-человечески, далеки были от нее. Ныне милостию Божией мы сознали, что составляем с нею одно, — видимо совершается единение наше с нашею Св. Матерью. Среди совершающих ныне богослужение видите вы иконописные лики прибывших из самого сердца России — Москвы представителей св. Русской Православной Церкви, посланников Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, высокопреподобных и всечестнейших о. протопресвитера Николая Колчицкого и о. протоиерея Феодора Казанского. От их благолепных внешних обликов веет древнею Святою Русью, а при беседе с ними с радостью видим, что между ними и нами не стоит никакой стены. Они нам духовно близкие, милые, родные. Вместе с ними служат и молятся ваши пастыри, вместе с вами переживавшие все ужасы налетов, бомбардировок, душу свою полагавшие за Церковь и за нас, ибо когда тряслась земля, временами день превращался в ночь, и храмы наши, казалось, распадались на части, они, пастыри, не прерывали богослужений. Пастыри не бросили вас на произвол судьбы, не бежали, несмотря на страшную вражью пропаганду — рассказы о свирепости и зверствах приближающихся к Берлину русских воинов.

Будем всегда благодарить Бога, — сказал в заключение Владыка, — что мы родились русскими, православными, а в нынешний день пламенем огненным да восходит к небесам наша молитва благодарения за великую милость Бога к нам, даровавшего нам днесь пресветлое торжество и духовного и внешнего объединения нашего с Матерью-Церковью Русской Православной».

После Херувимской песни к молящимся обратился с своим словом протопресвитер Н. Колчицкий. Он передал всем молящимся первосвятительское благословение Святейшего Патриарха Алексия и привет сердечный с далекой, но дорогой для них Родины. Из слова протопресвитера молящиеся узнали, как живет на Руси Святая Православная Церковь, о всех ее радостях и скорбях, о церковных Поместных Соборах 1943—1945 гг., об избрании Патриарха, о приезде в Москву Восточных Патриархов и о других важнейших событиях церковной жизни. С большим вниманием выслушана была эта речь; у многих видны были слезы, всем вспомнилась родная Отчизна, родная Церковь. После запричастного стиха произнес слово протоиерей Казанский; он выразил в нем свою радость по поводу единения всех молящихся с Матерью-Церковью, сравнивая чувства радости нынешнего дня с Пасхальной радостью. По окончании Литургии был отслужен благодарственный молебен, закончившийся многолетием Святейшему Патриарху, Митрополиту Евлогию, архиепископу Александру, победоносному русскому воинству и Верховному Вождю его.

Архиепископ Александр вручил протопресвитеру Св. Крест для целования верующим. И вот тут-то и начались излияния горячих чувств любви к Патриарху и Родине со стороны молящихся. Каждый, подходя ко Кресту, просил передать земной поклон Патриарху, земной поклон Родине, а многие сквозь слезы спрашивали: «Батюшка, а есть какая-либо надежда нам вернуться на Родину? Мы так о ней тоскуем». Особенно восторженно приветствовали объединение с Матерью-Церковью те из берлинских верующих людей, которые строго держались Патриаршей Церкви и в другие храмы не ходили. Нынешнее торжество объединения давало им возможность без смущения посещать все православные храмы Берлина, как воссоединенные с Матерью-Церковью. С боль-

шим уважением подходили богомольцы к о. Феодору Казанскому, расспрашивали его о жизни на Родине, а некоторые от умиления целовали его большую седую бороду. Окончилось торжество братской трапезой для духовенства и церковных старост в квартире настоятеля, тут же при Соборе. Обед прошел в расспросах и разговорах о жизни Родины и Церкви.

Православная берлинская паства осталась теперь на попечении архиепископа Александра, который ее любит, наставляет в своих проповедях, еженедельно совершая богослужение по храмам. Паства, со своей стороны, глубоко ценит своего молитвенника-архипастыря и находит в его служении и проповедях духовное утешение и поддержку. Во время нашего прощания с архиепископом он вручил нам свое обращение к Патриарху:

«Ваше Святейшество, Святейший Отец и Владыка наш!

Долг имею почтительнейше доложить Вашему Святейшеству о том благоприятном впечатлении, какое составилось у священников и верующих после торжественного Богослужения 1 (14) октября в Берлинском Православном Соборе, на каковом Богослужении фактически состоялось объединение в рассеянии сущих с Матерью — Русскою Церковью Православной.

Двадцатипятилетняя жизнь в эмиграции чрез многие скорби и печали научила всех быть крайне осторожными, подозрительными, а почти шесть лет войны, в особенности последний год с постоянными налетами бомбовозов, сделали некоторых невменяемыми, а вообще всех нервы довели до крайней степени кипения. Неудивительно, что приезд из Москвы представителей Вашего Святейшества привел многих в смущение: каково будет сие целование, а некоторых объял страх, боязнь расправы; но после общения с высокопреподобными делегатами, их беседы с батюшками и мирянами, их общедоступность, готовность отвечать на все вопросы, даже внешний вид почтенных пастырей Св. Руси рассеяли всякие подозрения, так что торжественное Богослужение протекло в полном благолепии и по чину, и верующие с радостными чувствами подходили ко Св. Кресту (после молебна) и лобызая его любовью, лобызали десницу о. протопресвитера Николая Колчицкого.

Если Вашему Святейшеству благоугодно будет предоставить моему недостоинству управление Берлинской Епархией, смиренно прошу оставить за мной и Бельгийскую Епархию с ее шестью приходами. Там я пробыл больше десяти лет и больно было бы оторваться от тех, кои многократно доказали свою любовь ко мне, и в поругании в Германии бывшему.

Прошу прощения еще за одну смиренную просьбу — оставить пусть и временно — Бельгийского и Берлинского (Германского) архиерея в ведении Экзарха — Митрополита Западно-Европейских Православных Русских Церквей Высокопреосвященнейшего Евлогия. С 1921 г. по 1938 г. Германская Епархия была нераздельной частью Западно-Европейской Русской Православной Митрополии под омофором Митрополита Евлогия, который не мало потрудился на благо Германской Епархии. Насильно оторванная от Митрополита Евлогия Германская Епархия была сначала в управлении Преосвященного Тихона, а потом перешла в ведение Митрополита Серафима (Ляде). Владыка Митрополит Евлогий всегда скорбел о совершенно незаслуженно с его стороны утерянной Епархии. И ныне, когда всякая справедливость восстанавливается, было бы достойно Германскую Епархию Митрополиту Евлогию вернуть. Это

доставит Святителю великую радость, о которой, мне хорошо известно, он не раз мечтал.

Прося у Вашего Святейшества благословения и св. молитв, дерзаю принести глубокую благодарность за отеческое внимание, выразившееся в присылке моему недостоинству Вашего портрета с трогательной надписью.

Лобызая десницу Вашего Святейшества, с чувством сыновней преданности пребываю Святейшего Отца и Владыки нашего нижайшим послушником Александр, архиепископ Брюссельский и Бельгийский, 16 октября 1945 г., Берлин».

По приезде из Берлина протопресвитер Николай Колчицкий доложил Святейшему Патриарху и Священному Синоду, что в Берлине имеется 3 православных храма, имеется по одному православному храму в Потсдаме, в Лейпциге и Дрездене. В Берлине имеет пребывание архиепископ Александр (Немоловский), который, после бегства Карловацкого духовенства, временно взял под свое духовное окормление Православные храмы и духовенство в Берлине.

Все духовенство этих храмов во главе с архиепископом Александром изъявило свое сердечное желание воссоединиться с Матерью — Православной Русскою Церковью, о чем имеются письменные акты.

Священный Синод вынес такое постановление: принять в каноническое общение с Матерью — Русскою Православной Церковью архиепископа Александра (Немоловского) и причты следующих храмов: Берлинского Воскресенского Собора, Церкви Св. Равноапостольного Князя Владимира на Находштрассе, 10, причт на православном русском кладбище в Тегель Константино-Еленинской Церкви, в Потсдаме — причт Александро-Невской Церкви, в Дрездене — причт церкви Св. Симеона Дивногорца и причт церкви в Лейпциге — памятник Русской Славы 1813—1913 гг. во имя Св. Алексия, Митрополита Московского.

Сообщить Патриаршему Экзарху Западно-Европейских Церквей Митрополиту Евлогию о воссоединении с Русской Православной Церковью архиепископа Александра и духовенства, находящегося на территории Германии.

Поручить управление приходами в Берлине, Потсдаме, Дрездене и Лейпциге Преосвященному архиепископу Александру на правах викария Митрополита Евлогия, оставив за ним и приходы на территории Бельгии, с сохранением за ним титула Брюссельский и Бельгийский.

Предложить Преосвященному Александру, в случае обращения православного духовенства русских приходов, находящихся в других зонах, воссоединять с Матерью-Церковью и принимать их в свое духовное окормление с последующим докладом о сем Патриаршему Экзарху Митрополиту Евлогию.

УПРАВДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
ПРОТОПРЕСВИТЕР Н. КОЛЧИЦКИЙ

ПАТРИАРШАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ХАРБИНЕ

Преосвященный епископ Ростовский и Таганрогский Елевферий и я, священник Московской Воскресенской церкви Григорий Разумовский, составлявшие Патриаршую делегацию в Харбин, 23 октября прибыли в Хабаровск.

Отсюда на следующий день мы поднялись в воздух со свежих волн реки Амура на гидросамолете, летающей лодке «Каталина» и к 6 ч. вечера снизились на р. Сунгари, в пределах окраины Харбина.

В городе Харбине нас поместили в заранее приготовленных номерах лучшей гостиницы «Модерн».

Еще не успели мы раздеться, как нас поспешили приветствовать с выражением радости местные Харбинские архипастыри — архиепископ Дмитрий и епископ Ювеналий с духовенством. Архиепископ Нестор сделал нам визит на следующий день.

Официальная встреча состоялась на следующий день, 24 октября, в Св. Николаевском кафедральном соборе. После речей и молебствия мы направились на Благовещенское подворье к Митрополиту Харбинскому и Манчжурскому Высокопреосвященному Мелетию, ожидавшему нас (по болезни) в своих покоях. Сюда же прибыли и все архипастыри.

Сколько радости было выражено здесь! Сколько благодатных слез было пролито за ту отеческую любовь, которую проявил Патриарх Алексий, послав своих делегатов в такой дальний путь для взыскания словесных овец своего неисчислимого стада.

Послание Святейшего Патриарха Алексия с увещанием Карловацкому духовенству и с призывом вернуться в лоно Матери-Церкви взволновало каждого из них; а у некоторых оно вызвало сейчас же чувство глубокого раскаяния, а иные были настолько взволнованы сознанием своей вины в расколе, что попросили до завтра отложить беседу с тем, чтобы они могли, размысливши, быть в единении с прочими архипастырями.

В тот же день мы сделали официальный визит заместителю генерального консула А. Н. Логинову. Во время беседы присутствовали: вице-консул Н. П. Савченко и архиепископ Дмитрий. После того мы официально представились коменданту Харбина генерал-лейтенанту Казакову, заботы которого об удобствах нашего пребывания в Харбине мы ежедневно чувствовали.

Днем 26 октября снова в покоях митрополита Мелетия состоялось окончательное совещание Патриаршей делегации с местными архипастырями. Тихо, мирно и торжественно прошла беседа. Акт о воссоединении Митрополита Мелетия, архиепископа Нестора, архиепископа Дмитрия и епископа Ювеналия с Матерью Русской Православной Церковью

и о возвращении их, с духовенством и паствой, каждого в своем чине и сане, в юрисдикцию Святейшего Патриарха Алексия был подписан спокойно и радостно.

Прием, совершенный владыкой Елевферием, как Патриаршим делегатом, закончился хвалебной песнью Господу и радостными слезами всех присутствовавших. Всеобщее нервное выжидательное напряжение достигло своего апогея и разрядилось с такою любовью и миром, что заставило забыть нас и о трудностях пути и о дальности Родины. Здесь совершилось дело Христовой любви, здесь Христос доподлинно был посреде нас.

Когда еще мы летели в Харбин, мы загадывали, каковы же там наши русские православные? Ведь 28 лет не было от них никаких известий. Может быть, еще встретим знакомых? Какова же у них церковная жизнь? Ответ на все эти вопросы мы получили в первое же воскресенье, когда дело воссоединения было отмечено торжественным сослужением Божественной Литургии всеми четырьмя архипастырями в Св. Николаевском кафедральном соборе. Митрополит Мелетий, по болезненному состоянию, не мог в нем участвовать.

Собор был наполнен молящимися всех возрастов и всех положений. Патриаршему делегату владыке Елевферию была оказана торжественная встреча с хлебом-солью, с колокольным трезвоном, с речами радости и благодарности Патриарху и Родине. Прекрасный хор, изысканные песнопения!

Невиданное для православного Харбина торжество — сослужение архипастырей Камчатско-Петропавловской и Харбинской епархий с Патриаршей делегацией.

Служа, мы думали о харбинской пастве и благодарили за милость Божию, ради которой никто из этой паствы не пострадал от военных действий при освобождении нашей героической армией измученных японцами харбинцев. Мы поняли, какова должна была быть их радость при встрече входящих в город русских воинов, и преуменьшали в своем сознании то одушевление, с каким они могли бы встретить нас.

Но мы ошиблись. Наши ожидания были на много превзойдены. Прошли торжественные моменты священнодействия, пропет запричастный стих. Выходит на амвон владыка Елевферий.

С этого момента и до последнего дня нашего пребывания пошло и неизменно закрепилось за ним имя «благостный владыка». Так ласково и любовно было его слово. Радость встречи Матери-Церкви с родными детьми, столько лет бывшими в разлуке, с выросшими в далеких краях внучатами. Радость первых лучей солнца, впервые осветивших печальные лица сородичей, столько лет пребывавших во мгле самоизгнания, под ночным покровом лжи, распространявшейся врагами Родины. Лицом к лицу встретиться с освобожденными братьями и детьми, передать им Патриаршее благословение и поклон от православных сородичей Святой Руси — это счастье нельзя выразить никакими словами, его только можно чувствовать и видеть в том умилении, которое озаряет лица всех молящихся.

— Дадим друг другу, Святейшему Патриарху и Родине свое слово отселе быть неразлучными и верными долгу своей Матери-Церкви и славной Родине. «Спаси вас Господи, благостный владыка... Да пошлет Господь силу и мудрость нашему Святейшему Отцу Патриарху», — слышались взволнованные отклики молящихся.

Благодарственное молебствие было закончено многолетием Патриарху, всем архипастырям с их паствой и Родине с ее вождями и воинами.

Владыка благословил и меня на слово.

Почувствовав, что я не найду среди смотревших на меня братьев и сестер, старцев и детей, ни одного чужого, что все они — родные и православные, я поневоле радостно волновался. Я передал им приветствие от московской паствы, от их родных и знакомых.

Я сказал им, что Святейший Патриарх поручил мне попечалиться вместе с ними о долгой разлуке, поручил мне показать, как болезненно переживал покойный Патриарх Тихон, когда волк похитил из его стада этих православных словесных овец и увлек их из ограды церковной в пустынные дебри мрачного язычества, принуждавшего их по-

Делегация Русской Православной Церкви среди иерархов дальневосточных русских приходов во главе с Митрополитом Мелетием

клоняться чужим богам [1]; я рассказал, как покойный Патриарх Сергий со слезами увещания призывал их вернуться в дом отчий и как не смог Патриарх Алексий вытерпеть дальнейших тягостных страданий своих детей, затерянных на чужбине, и поспешил послать нас возвратить их в лоно Матери-Церкви. Я передал им, и словами и чувством, о чем мы плакали сначала горестными, потом радостными слезами с их архипастырями, в покоях Митрополита Мелетия. На мой земной поклон им от Родины все, кто мог найти место, ответил земным же поклоном.

Увидев, что глаза их полны слезами, я понял, что слов уже не надо. Поручение Святейшего Отца выполнено и превзошедший все ожидания ответ выражен открывшимся источником истинной благодати умиления.

---

[1] В 1943 и 1944 гг. японские власти принуждали всех православных выполнять поклонения японской богине Аматерасу, организуя ежедневные шествия служащих, рабочих, учащихся и т. д. к храму, посвященному богине. Открытые выступления архипастырей против поклонений были жестко подавлены японской полицией.

И так каждый день в течение трех недель встречались мы с прихожанами многочисленных церквей Харбина, везде с трезвоном, иногда с хоругвями, всегда с хлебом-солью, с разными словами, но с одинаковыми умилительными чувствами. Нас сопровождал при посещении церквей всегда кто-нибудь из воссоединенных архипастырей. Все встречи запечатлевались на память на фотографических снимках, при каждом посещении раздавались воззвания Патриарха для объяснения смысла непрерывно происходивших торжеств.

При возвращении домой мы всегда находили у себя ожидавших нас группами и поодиночке посетителей, которым радостно и охотно уделяли время.

Кроме приходских церквей, мы посетили и ознакомились с жизнью мужского и женского монастырей, «Дома Милосердия», учрежденного архиепископом Нестором, и др. благотворительными заведениями. Специально были отведены дни для ознакомления с Богословским факультетом и с Духовной семинарией, с Братством Св. Иоанна Богослова, с миссионерской работой. Мы посетили и служили литию на кладбищах, где похоронены герои первой японской войны и герои-освободители доблестные воины нашей Красной Армии.

Владыка благословил меня передать привет от Родины православным детям, воспитывающимся в католическом лицее Св. Николая и в женских монастырях-школах монахинь урсулинок. Мы постарались никого не лишить благодетельного луча отеческой любви Святейшего Патриарха, по завету Господа, позволяющему солнцу восходить над всем его творением.

В день праздника Октябрьской Революции, 7 ноября, мы участвовали в торжестве открытия памятника русским воинам, освободившим Харбин от японцев. Стоя на трибуне в числе почетных гостей, мы отлично видели все торжество. Памятник поставлен на Соборной площади. По окончании митинга, как только отзвучало эхо 24-кратного салюта, раздался торжественный трезвон с колокольни собора. Православный люд, участники праздничного торжества, заполнили собор и прилегающую площадь.

Сослужением четырех иерархов было совершено торжественное благодарственное молебствие по случаю Победы славной Красной Армии над агрессорами, с многолетиями Родине, ее вождям и воинству.

После молебна Патриаршая делегация и местные архипастыри проследовали в советское консульство и сделали официальный визит.

Так, изо дня в день, запечатлевая в памяти харбинцев смысл и торжество возвращения их из бездны раскола в материнское лоно Православной Церкви, мы пробыли среди них до 14 ноября.

Днем 14 ноября с Харбинского вокзала мы отбыли поездом на Родину.

Архипастыри, духовенство и миряне устроили нам теплые и сердечные проводы, наделив подарками нас и послав Святейшему Патриарху различные дары на память. Удовлетворяло сознание, что и нас Господь Бог через Святейшего Патриарха удостоил понести какую-то часть тяготы апостольского служения.

29 ноября вечером мы были в Москве.

СВЯЩ. В. РАЗУМОВСКИЙ

Вечи проповеди

КОНЧИНА

Слово, сказанное в церкви Преображенского кладбища г. Москвы

С различными просьбами мы обращаемся к Господу словами церковных молитв во время богослужения. Мы просим избавить нас от всякой скорби, гнева и нужды; мы молимся о плавающих, путешествующих, недугующих. Мы ищем себе прощения грехов и прегрешений наших. Среди этих прошений, с которыми мы обращаемся к Богу в часы богослужения, есть молитва, которая объединяет всех нас, при которой низко склоняются наши головы, а некоторые из нас сопровождают ее и земным поклоном. Это — молитва: «Христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, у Господа просим». Мы просим у Господа — и несколько раз за каждым богослужением — о том, чтобы кончина наша была мирной и непостыдной. Это значит, что мы желаем того, чтобы смерть была для нас началом вечных радостей. Значит, мы ищем того, что составляет цель нашей земной жизни, того, к чему стремится всякая истинно христианская душа. Вечное блаженство — заветная мечта каждого христианина, и потому это прошение так близко сердцу каждого из нас.

Такая кончина, христианская и непостыдная, не может быть случайностью, не дается нам только по одному нашему — хотя бы и горячему — желанию. Ведь и плод не сразу мы видим созревшим на дереве. Весною он завязывается, летом наливается и зреет, и к осени мы его срываем. И христианской непостыдной кончине должна предшествовать христианская непостыдная жизнь.

Перед нашим духовным взором — распятый на кресте Господь Спаситель. В земной Своей жизни Он учил как надо жить, чтобы быть достойным вечного счастья, а, умирая, с креста учит нас, как надо умирать. И об этом уроке смерти, какой дает нам всем умиравший на кресте Спаситель, Церковь всегда напоминает нам, помещая в каждом своем храме, на самом видном месте, изображение Голгофы с распятым Спасителем и предстоящими Божией Матерью и апостолом Иоанном Богословом. Из сердца умирающего Спасителя струится тот же поток любви, какою Он согревал и утешал человеческие души в дни Своего земного подвига: Он молится за своих распинателей, Он прощает покаявшегося разбойника, Он вручает Своей Матери все человечество, которое последует Его зову. Предсмертными Его словами были: «Совершилось» и «В руце Твои предаю дух Мой». В последнюю минуту Он говорит об исполненном им долге — долге послушания Своему Отцу и до конца излитой любви к людям. Он выполнил то, что было в Совете Божием Ему предначертано, и в сознании исполненного долга с миром, предает Свой дух небесному Отцу.

В сознании исполненного долга — источник предсмертного мира. И перед каждым из нас лежит жизненный долг. Есть долг перед семьей — у людей семейных; есть у каждого из нас разнообразный долг — перед Родиной и людьми; и есть долг, общий для всех верующих в Господа, — это долг перед Богом и своей бессмертной душой. Спаситель пострадал за нас, чтобы никто из нас для вечной жизни не погиб; и каждый из нас на земном своем пути должен спасать свою душу. Тот, кто с помощью Божией к этому и стремится, жаждет прежде всего царствия Божия и правды его, как завещал Спаситель, — тот готовит себя к христианской и мирной кончине.

Каждый из нас, верующих людей, с благоговением вспоминает обстоятельства блаженной кончины Божией Матери. Она лежит на предсмертном одре, окруженная апостолами, и, умирая, утешает их — скорбящих. Предание говорит нам, что Она встречала смерть с улыбкой радости на устах. Для Нее смерть была переходом в объятия Ее Сына и Господа. И это потому, что от юности Своей Она сумела сохранить чистой Свою душу, умела быть терпеливой и преданной воле Божией во всех Своих земных лишениях и страданиях и в сердце Своем зажгла неугасаемый огонь любви к людям. Плодом Ее святой жизни была и святая кончина.

Кто из нас может без умиления вспомнить о кончине преподобного Серафима? Предчувствуя близкую смерть, он просил заблаговременно ископать для него могилу. Накануне своей смерти — это было 1 января 1833 года — он подошел к своей могиле и, стоя около нее, в течение долгих минут пел пасхальные песнопения. В эту же ночь, на коленях перед своей любимой иконой Божией Матери Умиление, он под утро отошел к Господу. «Честна пред Господем смерть преподобных Его». «Блажени мертвии, умирающие о Господе».

За каждым вечерним богослужением Церковь напоминает нам еще об одной кончине, когда поет песнь: «Ныне отпущаеши. . .» Старец Симеон, принявший на свои руки сорокадневного Божественного Младенца, с миром прощается с жизнью, радуется своей смерти. Почему? Евангелие дает этому объяснение. Оно говорит о том, что Симеон был «праведен и благочестив». Он был праведен — всю жизнь хотел «ходить в законе Господнем» (Пс. 118, 1). Он был благочестив, являясь исполнителем церковных заповедей о молитве, посте, покаянии. Этим путем он шел к своей смерти. Этот путь — путь праведности и благочестия — единственный, который ведет к мирной и непостыдной кончине.

Искренняя горячая молитва утром и вечером в нашем молитвенном домашнем углу; вздохи и покаянные слезы кающегося грешника, о которых, может быть, знает только один Сердцевидец Господь; всякое, даже самое малое, доброе дело, также, может быть, известное только одному Господу, — все это крупицы, из которых составляется наше духовное богатство. Об этом богатстве сказал Спаситель, что его и вор не украдет, и ржавчина не съест, и огонь не истребит. По словам св. апостола Павла, «мы созданы для дел благих», и чем больше христианин накопит за свою земную жизнь такого духовного богатства, таких добрых дел, тем он лучше приготовит себя к кончине.

Сегодня мы вспоминаем день кончины преподобномученика Лукиана. Перед смертью он пострадал за Христа и избитый, израненный, со сломанными костями, был прикован к полу темницы цепями. В таком состоянии, еле шевеля языком, он имел в себе силы утешать христиан, приходивших тайком от стражи поплакать около него. И он умирал, радуясь. Откуда эта сила духа? В его вере, несомненной и убежденной вере в Божие обещание взять навсегда к Себе верных Ему детей; в на-

дежде на то, что Господь, обещавший идущих к Нему не оттолкнуть от Себя, простит все вольные и невольные грехи; в горячей любви к Нему, которая ищет, как об этом учит св. апостол Павел, вечного общения с Богом.

Может ли быть мирной такая кончина, когда только в предсмертные минуты умирающий вспомнит о том, что он прожил свою жизнь бесплодно, в одной лишь суете, грехах, служении телу, и увидит, как много на его совести грехов и вовсе нераскаянных, и неискупленных перед Богом? Будем же готовиться к кончине своей сегодня, не откладывая на завтра, потому что никто из нас не знает, когда будет угодно Богу отозвать нас к Себе, и, пока и глаза видят, и ноги ходят, и в груди бьется живое сердце, каждый из нас пусть потрудится для своей души и для ее вечного богатства. Мы все оставим на земле: и одежды, о которых мы нередко чрезмерно заботимся, и любимые вещи, и близких людей; возьмем с собою только то духовное богатство, которое сумеем скопить.

Не унывайте те, кто был беспечен до сих пор! Для того, чтобы никто из нас не падал духом на пути к своей кончине и к вечной жизни, Господь оставил нам притчу о работниках, вышедших в одиннадцатый час на работу. И они получили у доброго хозяина ту же награду, какую получили и вышедшие на работу с утра.

Объятия Отчи — широки, любовь Божия — неиссякаема. И тем страшнее этим злоупотребить и об этом забыть на пути к вечной жизни. Будем не только молиться о том, чтобы кончина наша была христианской и мирной, но и будем сами себе ее готовить.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

Статьи

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

(К празднику Рождества Христова)

Ангельская песнь «Слава в Вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» ежегодно в великий праздник Рождества Христова звучит для человечества как светлый и радостный призыв его к деятельному волевому созиданию на земле царства мира и любви. Эта песнь есть в то же время как бы и предупреждение человечеству, что в его жизни вместо благоволения — доброй воли — может восторжествовать и царство воли злой, когда люди могут захлебнуться и потонуть в море слез и крови.

В течение ряда последних лет земля стонала от грохота чудовищных орудий, все сметающих вокруг себя. Пылали города и села. Рушились храмы. Стальные птицы, реющие в облаках, сеяли с неба на землю ужас и смерть... Но в то же время там, в незримой вышине небес, в рождественскую ночь хоры ангелов попрежнему пели и славили рождшагося на земле Христа. И слыша звуки той песни святой, мы тосковали, плакали и молились о торжестве добра и правды на земле, о наступлении мира во всем мире.

Русская Православная Церковь в эти дни твердо верила в то, что Единый Владычествующий небесными и земными, кому «дана всякая власть на небе и на земле», кто кратким возглашением: «Умолкни, перестань» (Мрк, 4, 39) утишил ветер и бурю на Галилейском озере, Тот в определенное Им время утишит и мировую бурю. Всем нам хотелось возможно скорее увидеть вмешательство в мировые события Божественного Правосудия, когда благословенная рука победителей начертит на страницах истории грозный приговор фашистским злодеям.

Наши надежды сбылись. Война кончилась. Наступил мир. Но когда завершаются великие мировые события, то верующее сознание открывает в них действие Промысла Божия. Внимательно вглядываясь в исторические события, мы замечаем, что все великое и малое, радостное и печальное, сладостное и горестное, бывшее в жизни человечества, совершилось как бы по предопределенному порядку, полному глубокого смысла и разумного значения.

Премудрый Промыслитель мира — Бог — обнимает Своею правдою и любовью весь мир. Для Него дороги не только правители и народы, но и каждый отдельный человек составляет предмет Его любящего попечения, так что в собственном смысле слова и «волос с головы его не падает даром» (Мтф. 10, 30).

В Боге-Промыслителе гармонично сочетались любовь и правда, которыми Он и милует и наказует, являясь причиною не только благ, но и вразумляющих бедствий для человечества, управляя всеми переворо-

тами, колеблющими мир, и их посылая. В великой книге мировой истории мы неоднократно можем наблюдать вмешательство в мировые события Божественного Правосудия, где мы действительно как бы на вавилонском пиршестве Валтасара, по описанию его в книге пророка Даниила (5 гл., 1—31 ст.), можем видеть таинственную руку, которая писала смертный приговор несправедливым царствам. Так, за убийство Иисуса Христа погиб Иерусалим: он был попран ногами язычников и по пустырю его, на котором некогда возвышался великолепный Соломонов храм, прошла даже соха. Так, за кровь христианских мучеников погиб древний Рим, наводненный варварами, и его разрушители Атилла и Генсерик, повинуясь таинственной судьбе, сами называют себя бичами Божьими и, садясь в лодки, говорят кормчему: «Оставь свое судно идти туда, куда дует Божественное мщение». Так рухнуло на наших глазах и царство людоеда Гитлера с его голым национальным эгоизмом или немецким нацизмом, принесшим жестокий гнет всем, не принадлежащим к господствующей национальности, считающим все прочие народности негодным мусором, который должен быть сметен с лица земли.

Еще в 1941 г. в своей статье «Терновый венец Родины» я выражал твердую уверенность, что Господь покарает Гитлера и всех его сподвижников и за их неисчислимые злодеяния ввергнет их как ненужное орудие в огонь на сожжение («Правда о религии в России», 123—127 стр.). В самые тяжелые дни истории Бог позволяет, как в библейском описании видения пророка Илии (3 Царств. 19, 10—12), врываться в мир буре и разрушительному огню, чтобы смести с лица земли грех и зло и очистить в этом горниле ценное злато добра. Такой болезненный процесс — торжество добра через страдания — сделался неизбежным в силу греховности мира, лежащего во зле. Нет такого победоносного войска, которое могло бы одерживать победы, не искупая их ужасными страданиями и даже смертью отдельных своих членов; так равным образом и человечество, достигая своего высшего блага, в силу своей греховности необходимо должно искупать его страданиями и даже гибелью многих своих членов.

Но если, несмотря на все эти страдания, все-таки достигается высшая цель, которой содействует и самое зло, то этот факт показывает, как Высшая Мудрость дивно все устрояет в мировой истории, как все в ней сливается в одну великую цель, которая есть высшее благо человечества.

Ангелы, воспевавшие в рождественскую ночь о мире на земле, своим высшим духовно дальнозорким разумным зрением видели уже в грядущих веках его осуществление. Также и Св. пророк Исаия, уносясь своею пророческою мыслию в грядущие века и тысячелетия, созерцал там торжество Царства Божия, царство мира и любви на земле, изображая его в таких чертах: «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому; они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей» (Прор. Исаии II гл., 6—9 ст.).

Такое царство мира и любви на земле — это светлый, манящий к себе идеал для человечества. Подойти возможно ближе к этому идеалу оно может только через победу света над тьмою, добра над злом. Когда-то древняя дохристианская языческая пословица, желая изобразить взаимоотношения людей друг к другу, говорила: «Человек для человека — волк». С тех пор человечество прошло большой исторический путь. На этом пути христианство прочно вошло в жизнь, в сознание народов, и человечество уже не может мириться со «звериным образом» жизни на земле. Христос постепенно преобразовывает духовную природу че

ловека, влагая в нее другую душу, другое сердце (Прор. Иезикиил. 11, 19; 36, 26).

Насколько человечество продвинулось на этом пути вперед, насколько сильно в нем влечение к миру, искание его, стремление водворить его на земле, это показала нам последняя великая война: она велась лучшими народами с худшими и велась во имя мира, для водворения прочного мира на земле, которого нельзя было бы нарушить так легко, как это делалось доселе. Ныне больше, чем когда-либо, видно, что недалеко на земле то время, когда не дальновидящие лишь ангелы, а все человечество со вздохом облегчения скажет: да, наконец уже «и на земли мир», а его поэты и художники будут прославлять наступление мира на земле, как ангелы на небе. Один поэт (С. Г. Фруг) в своем стихотворении «Грядущее», как бы устами ветхозаветного пророка (Мих. IV, 3—4) говорит, что

Придет пора — исчезнет злоба;
Одной ликующей семьей
Под знамя света и свободы
Стекутся мирные народы
И над воскресшею землей
Утихнет гул борьбы кровавой,
Угаснет пыл вражды навек;
Иною доблестью и славой
Гордиться будет человек:
То будет доблесть дум высоких,
То будет слава добрых дел.
И там, где в мраке смут жестоких
Сверкала сталь и щит звенел, —
На тучных нивах в чистом поле
Высокий колос зашумит,
И песня пахаря на воле
Отрадой светлой зазвучит.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

ОТКЛИК НА НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Весь мир обратил свои взоры к Нюрнбергу. Можно с уверенностью сказать, что нет сейчас такого уголка на земле, где бы внимательно не следили за процессом главных немецких военных преступников.

Со времен земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, когда величайшими страданиями Спасителя добро одержало победу над злом, не было такой напряженной борьбы между началами добра и зла, как в наши дни. Спасенный крестными муками от первородного греха человеческий род в огромном большинстве своем стал исповедывать великое христианское учение, учение добра и справедливости. Зло на время как бы ушло в подполье. Гитлер вырвал его оттуда своею человеконенавистническою проповедью. Гитлеризм не совместим с христианством; более того, он прямо противоположен ему. Законам справедливости противопоставлены в нем расовые «законы», добру — зло во всем его многообразии. Можно безошибочно утверждать, что без помощи адских сил не могло родиться на земле такое кошмарное учение, в котором всякий добрый поступок считается пороком, а всякое самое бесчеловечное преступление возводится в ранг фашистской добродетели. Только люди, глубоко ненавидящие Христа и Его учение, могли исповедывать нацистский бред, поклоняясь злу, как некоему божеству, потому что не только живая любовь к Спасителю и Его учению не совместимы с ним, но даже самое равнодушие должно было ужаснуться при виде моральной бездны, в которую толкал человечество этот дьявольский бред. Вот почему Православная Церковь, единственная хранительница чистейшего христианства, и в первую очередь Русская Православная Церковь, как самая обширная из Православных Церквей, беззаветно отдалась борьбе с фашизмом и с его последователями. Вот почему, когда немецкие полчища начали свои грабительские походы, она стала призывать все человечество грудью встать против кровавого врага, невзирая ни на какие жертвы и страдания, необходимые в этой великой борьбе. Она молилась, она сама жертвовала всем, чем могла, она пила вместе со своим народом из чаши страдания. И зло вновь было повержено впрах. Вполне понятно, что теперь Святая Церковь с особенным вниманием следит за нюрнбергским процессом, которому надлежит увенчать своим приговором здание великой победы добра над злом. Осуждение Геринга, Гесса, Риббентропа, Розенберга и других будет не только осуждением их, как отдельных личностей, но будет осуждением их зверского учения, осуждением зла, которому все они вполне добровольно и с такой страстью служили. И это осуждение зла будет означать, что человечество в целом осталось верным основам христианского учения и не позволит ни теперь, ни в будущем злу одержать победу над добром, в какие бы хитроумные учения это зло ни рядилось.

Русская Церковь может предъявить немецким преступникам длиннейший счет: разрушение бесчисленного количества храмов, зверские убийства ее священнослужителей, позорное святотатство, кощунственное отношение к ее святыням, попытки спровоцировать конфликты как внутри Церкви, так и в сношениях ее с внешним миром, зверские пытки верующих с целью ограбления скрытых церковных святынь, наконец, все бесчисленные страдания православного русского народа. И она предъявляет этот счет. Она хочет, чтобы мир знал, что Русская Церковь на себе самой испытала, что «проповедь з л а не осталась отвлеченной идеей нацистской партии, но воплотилась во всем своем колоссальном объеме в гитлеровских деяниях, развратив почти весь немецкий народ. Она предъявляется этот счет не из чувства мести, — этого чувства не знает истинное христианство и борется с ним везде, где оно проявляется. Святая Церковь хочет лишь, чтобы через достойное возмездие восторжествовала справедливость. Она хочет, чтобы мир не забыл слов Апостола Павла о том, что «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18), а о том, что носители фашистского з л а подавляли истину неправдою, знает весь мир, и это неопровержимо доказывается теми бесчисленными документами, которые предъявляет Международному трибуналу обвинение. Нет сейчас на земле человека, который осмелился бы сказать, что правда на стороне преступников. З л о повержено вправах, его служители изолированы от общества. Те немногие, кому удалось скрыться от правосудия, спрятались за различными личинами. И самой мерзкой из этих личин является лицемерное воззвание к миру о прощении преступников. С ужасом слышит это воззвание Святая Церковь, с ужасом потому, что эти люди осмеливаются кощунственно приплетать к своим богохульным речам имя Господа нашего Иисуса Христа. Священным трепетом негодования преисполняется каждый христианин, слушая эти речи. Сам Спаситель, прося у Бога Отца прощения Своим врагам, говорил: «Они не ведают, что творят». Те же, кого судят сегодня, прекрасно ведали, что творили, и не только сами сознательно творили, но учили жестокостям тысячи немецких юношей и девушек, развращали все, что окружало их. А разве о таких людях молился Спаситель? Разве не вечны Его слова о том, что «горе тому, кто соблазнит одного из малых сих»? Нет, не обмануть христианской совести тем, кто равнодушно взирал на то, как убивали детей, женщин и стариков, как пытали сотни тысяч невинных людей, как растлевали девушек, как разрушали святыни и памятники древности, называя все эти ужасы, страшно сказать, «крестовым походом», а теперь вдруг вспомнили о прощении и милосердии. Мир помнит слова Апостола Павла: «Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но делающих одобряют» (Рим. 1, 32). Значит, есть такие дела на земле, которым нет прощения. И не могут эти демагоги утверждать, что Господь Сам только непосредственно или через Ангелов Божиих может карать людей, ибо о людях, а не об Ангелах сказано Апостолом Павлом: «Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч, он — Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13, 11). Не скрыта ли в этих ханжеских причитаниях боязнь, что христианский мир на основе слов Апостола Павла потребует наказания не только для тех, кто сам делал, но и для тех, кто делающих одобрял? Думается, что это действительно так.

И не может быть прощения тем, кто з л о возвел на пьедестал божества. И всякий, кто смеет говорить о прощении, ссылаясь на Боже-

ственное учение Спасителя, является величайшим святотатцем, является растлителем совести не только современников, которых трудно обмануть теперь, когда еще свежо воспоминание о бесчисленных жертвах, но и далеких потомков. Человечество, если оно хочет счастья и мира на долгие века, должно быть единодушно в осуждении зла, должно отбросить от себя все мелкое, себялюбивое и корыстное. Там, где идет дело о победе добра над злом, не место ничтожному себялюбию. Святая Русская Православная Церковь верит, что человечество докажет Господу свою верность заветам Спасителя, отбросит все личное и создаст прочное здание мира. Но здание это может быть долговечно лишь тогда, когда будет создано на камне справедливого возмездия служителям зла. Она не сомневается в приговоре, но она хочет, чтобы этот приговор был встречен всем человечеством с полным сознанием того, что он неизбежен ради торжества законов Божественной справедливости. И Святая Церковь убеждена, что это так и будет в конце концов.

СВЯЩ. М. ЗЕРНОВ

БУДНИЧНЫЙ ПОДВИГ

Кто в юности, когда так сильно стремление к благородному и прекрасному, не мечтал о подвиге, не искал, не стремился к нему безотчетно? Но разве для этого обязательно надо куда-то очень далеко итти?

Если порою человек испытывает чувство неудовлетворенности и необъяснимого духовного томления, словно что-то внутри сдавливает его, неудержимо зовет куда-то, обычное будничное течение повседневной жизни начинает казаться скучным и ненужным, и в то же время тяготит сознание бесследно, бесполезно проходящих дней, потому что человек забывает о своем назначении, перестает видеть близ себя то, чего ищет — возможность подвига, возможность быть полезным, перестает видеть цель и смысл жизни, и жизнь кажется ему бессмысленной и пустой. Но не от нас ли зависит сделать ее содержательной,

Чтоб жизнь до тихого заката
Была исполнена красы
И впечатлениями богата
Во все мгновенья и часы.

В чем же истинная красота жизни?

Внутренний мир человека может быть очень богат высоко-нравственными переживаниями, если мы будем стремиться заполнить его добродетелью.

«Царство Божие внутри вас» — говорит Христос. Значить, можно и в земной жизни достигнуть высочайшего духовного состояния.

Святые люди, преданные Богу и выполнявшие Его заветы, достигали этого Царства Божия уже здесь на земле и носили его свет в своей душе, наполнявший их такой радостью, что они уже не желали никаких земных благ. Среди святых — подвижники, пустынники, мученики, праведники, преподобные, а сколько еще святых, имена которых нам неизвестны! Но все они были служителями истины, нравственной красоты, потому что жили не для себя, но для прославления имени Божьего и служения ближнему.

В разное время и различными путями достигали люди этого духовного сокровища, через подвиг придя к совершенству, став и для нас путеводными звездами, манящими к вечной красоте, ибо ничто не восхищает так эстетического чувства, как благородство духовно-нравственное.

Светлая святая цель достигается трудом, и не в исполнении своих эгоистических желаний, но только в исполнении долга, в труде для общего блага, в служении другим почерпает человек высшее духовное удовлетворение.

Об этом говорит учение Христа, об этом постоянно напоминает и Святая Церковь, которая проповедует это совершеннейшее учение и

всегда идет вместе с народом, разделяя его печали и радости, призывает к нравственности.

Если мы заглянем в родную старину, мы не можем не видеть облагораживающего влияния Церкви, ее роли просветительницы среди мрака невежества и бескультурья: первыми носителями культуры были представители Церкви.

Церковь всегда оставалась верной защитницей Родины и вдохновительницей народа в борьбе за Отечество, так же как и в наши дни.

В текущем году мы дважды пережили радость победы.

В своем приветствии в день Победы на Западе Святейший Патриарх Алексий сказал, что «не только сознание радости несет победа. Она несет также сознание ответственности за настоящее и будущее; сознание необходимости усилить труд, чтобы закрепить победу, чтобы сделать ее плодотворной, чтобы залечить раны, нанесенные войной».

После первого праздника Победы, через короткий промежуток времени наступил второй праздник — исчезла угроза войны и на Востоке.

Положен конец варварскому кровопролитию; человек может свободно без страха продолжать мирный созидательный труд.

Но за годы войны люди перечувствовали больше и глубже, чем в мирные дни, научились многому, закалились в борьбе, выросли, стали крепче духом.

Много жизней унесла война; много теперь дорогих могил находится далеко от Родины, в чужих землях, где их чтут освобожденные от угнетателей народы, куда могут долететь только наши молитвы, куда часто мы переносимся мыслью.

Мы, за дальностью расстояния, не можем навестить этих могил, но также не можем и забыть их, и хочется глубже сохранить память о погибших, стать в какой-то мере соучастниками в их высоком подвиге, слиться с ними в служении Родине, за которую отдали они свою жизнь.

Родина наша перенесла большую долю тягот войны и через самопожертвование, через тяжелый крестный путь пришла к Победе.

Можно ли в такие дни оставаться бездеятельным и проводить время без пользы? Не обязывает ли нас сама жизнь к деятельному участию в ней?

Невозможно представить себе человека, который не желал бы процветания своей Родины, и нет человека, который бы не приносил никакой пользы.

Каждому даются какие-либо способности. Каждый ответствен перед Богом за дарованные ему таланты, за развитие и благое их направление и должен возвратить их Господу с благодарностью и преумноженными.

А жить для добра и быть полезным можно всюду, если мы с любовью будем выполнять то дело, у которого поставил нас Господь, потому что ничто не свершается без воли Бога.

И в повседневной будничной жизни можно совершать подвиг; никакой труд, никакое доброе стремление не пройдет не замеченным перед Богом, не потеряется в общем большом труде.

Как бы ни был скромен, неприметен труд, он вносит свою долю в общее дело.

Проходят годы и столетия, исчезают человеческие жизни, одно поколение сменяется другим, но не исчезает бесследно доброе дело и труд человека. Созданное трудом объединяет прошедшее, настоящее и грядущее, как бы стремясь к окончательной цели, предназначенной нам от создания мира. Разве не отрадна мысль, что каждый человек является участником этого огромного труда, этого движения вперед?

Пусть не забывает об этом человек, и жизнь его будет полна и насыщена светлыми впечатлениями.

Теперь, когда наша родная Православная Русская Церковь вместе с нами пережила дни войны и, выйдя из житейских бурь, стала на твердый путь и может развивать свою деятельность на пользу родной земли и народа, на поднятие его морального уровня, теперь, когда окрепла дружба с Православными Церквами других стран, больше благодарных молитв вырывается из сердца, сильнее жажда подвига и труда.

Если мы хотим быть христианами, если хотим откликнуться на призыв Церкви, мы должны всею своею жизнью стремиться к тому, чтобы как можно больше принести пользы, как можно больше внести труда для общего блага.

В наше время, когда великие события так быстро сменяют одно другое, когда исторические события совершаются на наших глазах, когда человечество идет к тому, чтобы жить без войн и мирным путем разрешать свои споры, когда мысль человека так заострена во всех отраслях науки и стремится все к новым и новым познаниям, — у человека больше возможностей быть деятельным и найти свою цель.

Жизнь наших дней кипуча и многогранна; совершенствуется и растет непрестанно культура и вместе с этим ростом также должен выше подняться и дух человека.

Хочется думать, что чем культурнее будет человек, чем шире будет его мировоззрение, чем дальше горизонты, богаче познания, чем больше будет простора его мысли и чувствам, тем больше будет у него исходных точек зрения для созерцания Бога, тем возвышеннее, определеннее представление о Нем, тем глубже вера в Него.

Бог дал человеку разум и способность познавать созданное.

Быть может, назначение человечества в целом, здесь на земле, заключается именно в том, чтобы путем многовекового труда и подвига притти к наивысшему познанию вселенной и Творца ее, и без тягостных сомнений, с непоколебимой верой в Добро и Совершенство приблизиться к Единому Богу и прославить Сотворившего вся, ибо, как пишет в своих сочинениях Белинский: «Весь беспредельный, прекрасный Божий мир есть не что иное, как дыхание единой, вечной идеи (мысли единого, вечного Бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии».

Сколь велико благодеяние Божие, что Он дал нам жребий постигать, служить проявлению этой единой идеи, быть ее выразителями! Сколь высоко назначение и велико счастье человека!

Не может быть, чтобы человек отвернулся от этого дара и, не оценив, не заметив его, прошел мимо. Самое стремление к красоте и науке есть порыв духа проникнуть в тайны бытия, познать начало всех начал.

Если возникают противоречия и сомнения и как следствие их душевный разлад, то пусть существуют они как страдание, как испытание, которые, сделав нас более чистыми и близкими к восприятию этого дыхания Божественной идеи, все же приведет нас к счастливой вере в Единого Бога, потому что внутреннее человека всегда тяготеет к Божеству, а все прекрасное и достойное, наполняя эстетическим восторгом, рождает потребность преклониться и возблагодарить кого-то за эти великолепные святые волнения. Могут ли эти чувства быть безосновательными, и, не найдя кому помолиться, бесследно исчезнуть в необъяснимой, холодной и безответной пустоте?

Об этом духовном страдании у Белинского есть такие прекрасные слова: «Всякий духовный процесс совершается с болью и страданием,

и столкновение субъективной личности человека с объективным миром сперва необходимо является, как борьба и страдание. Но дорогое и покупается дорогой ценой, и благо тому, кто ценой страдания приобретает истину, которая одна дает блаженство, его же ржа (ржавчина) не тлит и тать не похищает».

Хочется верить, что все мы придем к этой истине и что душа человека сольется с Тем, Кто даровал ей свободное самостоятельное дыхание, и поэтому-то устремленность к Богу должна быть высоко сознательной, не принужденной, но по доброй воле, по влечению духа к источнику жизни.

Вы нигде не найдете в Евангелии, где бы Христос учил насаждать веру угрозами, страхом, насилием или подкупать земным благоденствием.

Это слишком святое чувство, чтобы родиться по принуждению, вследствие каких-то внешних причин или обещанного вознаграждения.

Нет! Вера, как неотъемлемое чувство человека, хоть иногда, может быть, и бессознательное, родится вместе с ним. И да поможет Господь человеку усилить и возрастить ее в душе, и каждому, совершив по силе своей его земной подвиг, достигнуть совершенно блаженств в созерцании Бога, к которому ведет путь труда и борьбы.

Перед нами проходят все человеческие дела: и труд неизвестной воспитательницы детского дома, своим внимательным и чутким отношением заменяющей родительские заботы и попечения детям-сиротам, и скромного труженика завода, отдающего свои силы на производство и усовершенствование какой-либо порученной ему детали, и няни в больнице, с любовью ухаживающей за больными, и множество других кажущихся нам малыми дел, — равно значительны и ценны в очах Божиих и имеют единую цель, как выполнение воли Его.

Труд есть дар Бога, через который познается радость достигаемого, а исполнение долга дает тихую радость и делает всех равными чадами перед Богом.

Н. ВАСИЛЬЕВА

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ И ВНЕШНИЕ УЗАКОНЕНИЯ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОПИСИ

Древнерусская иконопись представляла собою явление высокого и благородного искусства. Создатели изумительных по впечатляемости икон были замечательные мастера, коих с полным правом и ооснованием можно поставить в один ряд с современными им гениальными художниками западно-европейского искусства.

Однако русские художники-иконописцы были объединены некоторыми, регламентирующими их деятельность, специальными законами и установлениями, которые накладывали свой отпечаток на всю их работу и в зависимости от времени или способствовали, или тормозили как эстетикостилевой, так и чисто технологический прогресс развития иконописи как искусства. Эти законы в старой Руси были строги и категоричны, так как они касались такого святого и богоугодного дела, как иконопись, т. е. создание для верующих священных образов, помещаемых в храмах и предназначаемых для молитвы.

Первоначально, когда иконописцы были малочисленны и работали в монастырях, все наблюдение над ними осуществлялось при помощи своего монастырского начальства и осуществлялось сравнительно легко, так как все мастера были наперечет и на глазах у высшей администрации. В дальнейшем, с общим ростом и богатством Московского государства, увеличившиеся потребности и спрос на иконы монастырские иконописцы удовлетворить не могли. Иконопись выходит из стен монастырей. Ею начинают заниматься и миряне. Наблюдение над возросшим числом иконописцев пришлось возложить на нарочитых, сведущих мастеров. Так, в Москве, в XVI в. было четыре специальных старосты, следивших за деятельностью многочисленных иконописцев. Приблизительно в эти годы появляются специальные «жалованные» государевы иконописцы, выполнявшие придворные и правительственные заказы и влиявшие на общее состояние иконописного дела в стране. К XVII в. «жалованные» иконописцы объединяются вокруг московской Оружейной Палаты, которая становится подлинным государственным центром в области направления всей художественной политики в стране и одновременно своеобразной учебной «академией».

По общим принципиальным вопросам иконописи неодократно высказывались церковные соборы и высшие иерархи Церкви. Все это также вносило определенное регламентирующее начало в практику иконописания.

Прежде чем специально останавливаться на этих эстетико-художественных регламентациях, применяемых в иконописи в допетровской Руси, нам представляется необходимым дать хотя бы самые краткие сведения о технике иконописи тех лет.

Иконы в те годы все без исключения писались на досках; материалом служили обычно — липа, сосна, иногда кипарис. Доска проклеивалась столярным клеем и покрывалась грунтом — «левкасом». Левкас представлял собой гипс, разведенный жидким клеем. На обработанную таким образом поверхность наносился рисунок. Рисунок и композиция делались или самим иконописцем по собственному разумению или, что бывало довольно часто, использовались «прориси» с наиболее чтимых старинных образов. Прорись представляла собой лист бумаги с пробитыми контурами с определенного образа; она накладывалась на левкас новой иконы и мастер через эти прорезные контуры переносил рисунок на новый образ.

Воспроизведенный таким образом контур обрабатывался иконописцами. Краски, которыми пользовались старые мастера, были натуральные «земли»; они разводились на воде или хлебном квасе с добавлением яичного желтка.

Соответственно артельно-цеховым обычаям, иконописцы очень часто имели свои обособленные специальности. Были мастера, которые писали «доличное», т. е. фон, одежду и т. д., исключая лика; были мастера, которые писали только лики на уже подготовленных их младшими собратиями образах.

Современная наука о древнерусской живописи оперирует в своем исследовании произведениями не старше XIV столетия. Иконы более ранних веков дошли до нас редкими, считанными, единицами. Они или погибли в тяжелые для Руси годы монгольских вторжений, или безвозвратно утеряны в результате многократных и часто невежественных «поновлений».

За последние 15—20 лет реставрационные работы явили миру несколько поистине бесценных шедевров художественных созданий XI—XIII вв.

Большой авторитет в области древней иконописи стяжал А. Анисимов в результате кропотливого анализа над реставрационными работами памятников живописи домонгольского периода. Он попытался сделать некоторое обобщение о стиле этой иконописи, предшествующей известной нам Новгородской школе (об этой школе см. нашу статью в № 7 журнала). Он пишет: «Русский живописец домонгольского периода, заимствуя у Византии темы и формы, постепенно и понемногу преображал их, комбинируя по-своему отдельные элементы, в зависимости от своего чувства темы и своего понимания формы. Творя новые национальные искусства, он шел, однако, очень медленным путем и тщательно оберегал традицию в смысле сохранения как общего художественного впечатления, так и отдельных деталей формы и даже внешних приемов исполнения» [1].

Так, этим же исследователем установлено, что иконы тех времен не покрывались металлическими окладами или ризами, а в доску врезали драгоценные камни, украшавшие образ. В тех же случаях, когда камней не было, иконописец, следуя установившемуся обычаю, украшал свое произведение рисоваными камнями, отвечающими по цвету и форме распространенным тогда самоцветам.

Из числа произведений иконописи домонгольского периода, открытых за последние два десятилетия в результате реставрационных работ, на первое место надо поставить поистине уникальное создание,

[1] А. Анисимов, «Домонгольский период древнерусской живописи», стр. 174, сборник «Вопросы реставрации», вып. II, Москва, 1928 г.

не имеющее себе равных в Европе, — Владимирскую Богоматерь, помещенную теперь в Московской Третьяковской галлерее.

Этот образ, с которого было снято четыре слоя последовательных записей, предстал перед благоговейным взором в своем первоначальном виде — создания XI в.[1].

Первым по времени и по значению документом, который накладывал на свободное творчество иконописцев определенное регламентирующее начало, был так называемый «Иконописный подлинник».

Так как подразумевалось, что образ, создаваемый мастером, должен быть помещен в храме для поклонения ему молящихся, то потребовалась определенная идентификация изображений всех святых, создаваемых различными мастерами в самых различных концах страны. Иконописные подлинники с успехом выполняли эту задачу. Они делились на «лицевые» и на «толковые».

Лицевой подлинник представлял собою альбом прорисей с древнейших изображений. Пользуясь им, иконописцы не уклонялись от узаконенных церковными властями сюжетов и их композиции. Толковый подлинник давал подробные описания возраста, внешности, одежды и т. д. того или иного святого, чем должны были руководствоваться иконописцы во время своей работы над изображением этих святых.

Иконописные подлинники, наряду со своей положительной ролью, без сомнения, являлись также и тормозящим началом в развитии иконописи как чистого искусства. Они все время сдерживали ее порывы, направляя кисть мастера в сторону строгой иллюстративности определенных, раз навсегда заданных тем и изображений. Лишь талантливейшие мастера могли полностью проявить свою индивидуальность, раздвигая эти суровые рамки узаконений и выходя за них.

Как мы отметили выше, для планомерного исследования и обобщения современная наука пользуется произведениями не старше XIV в. Говоря о последовательном развитии русской иконописи этой эпохи, мы попытаемся остановиться на тех теоретико-эстетических положениях по этому вопросу, которые сохранились до нас от этого времени.

Самым ранним из известных нам подобных высказываний является письмо Епифания Премудрого своему другу святому Кириллу Белозерскому (конец XIV — начало XV вв.). В этом письме древнерусский художник и публицист рассказывает о процессе работы над иконами и стенными росписями знаменитого греческого художника Феофана Грека, долгое время работавшего на Руси и ставшего учителем гениального русского мастера Андрея Рублева. Епифаний Премудрый подчеркивает принципиальное различие творческого метода Феофана Грека и современных ему средних русских иконописцев, связанных в своей работе необходимостью строжайшего следования иконописным подлинникам. Он пишет о виденной им работе византийского мастера: «Когда же он все это рисовал и писал, никто не видел, чтобы он смотрел на образцы, как это делают наши иконописцы, которые, полные недоумения, все время нагибаются, глазами бегают туда сюда, не столько работают красками, сколько принуждены постоянно глядеть на образец, но кажется, что другой кто-то пишет руками, когда Феофан создает образы, так как он не стоит спокойно, языком беседует с приходящими, умом же

---

[1] См. статью А. Анисимова «История Владимирской иконы в свете реставрации», сборник «Труды секции искусствознания», вып. 2, изд. Института археологии и искусствознания, Москва, 1928 г.

размышляет о постороннем и разумном; так он своими разумными чувственными очами видит все разумное и доброе»[1].

Феофан Грек был учителем Андрея Рублева. Без сомнения на гениальную от природы творческую индивидуальность русского мастера легли благие семена, заложенные его страстным и не признающим рутины учителем.

Прошло почти столетие и сама творческая деятельность Андрея Рублева в глазах русского народа и его иерархов стала как бы своеобразным иконописным подлинником.

Стоглавый Собор, созванный по повелению Ивана IV в Москве в 1551 г., в своих работах уделивший много внимания иконописи, прямо повелел, чтобы современные иконописцы писали, «как писал Андрей Рублев».

Говоря об иконописании вообще, Соборное уложение, глава 43, предпослало определенное требование о поведении иконописцев в быту. Так мы читаем: «Подобает быти живописцу смиренну и кротку, независтливу, ни пьянице, ни бражнику, ни убийце; но паче хранити чистоту душевную и телесную, со всякими опасениями; не могущим же до конца тако пребывати по закону женитися и браком сочетатися»[2].

Преисполненные подобной нравственной и телесной дисциплины живописцы, по указанию соборного постановления, должны: «С великим тщанием писати образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистые Его Богоматерь, и святых Пророк, Апостол, в образ по подобию и по существу, смотря на образ древних живописцев, и знаменовати с добрых образцев».

В своих дальнейших указаниях по иконописи Собор определенно предостерегает живописцев от отступления от древних образцов и от индивидуального толкования поставленной им задачи; так он предписывает епархиальным архиереям: «Святителям великое попечение и брежение имети, каждому по своей области, чтобы горазлие иконники и их ученики писали с древних образцев, а самомышлением бы и своими догадками Божества не описывали. Христос бо Бог наш описан плотию, а Божеством не описан, якоже рече Иоанн Дамаскин; не описуйте Божества, не лжите слепии; просто невидимо, и незрительно есть, плотию же образ вообразуя, и поклоняемся, и веруем, и славим родшую Деву».

Сделав подобные общие теоретические определения по вопросам развития иконописи, Собор, в обеспечение выполнения их, предписал епископам самим наблюдать за деятельностью иконников и назначать специальных старост-цензоров из числа «нарочитых мастеров».

Постановление Стоглавого Собора впервые ставило вопрос об иконописи на Руси, как вопрос общегосударственного значения. А то, что иконопись к этому времени действительно достигла подобного значения, можно судить хотя бы по известному делу дьяка Висковатого, который публично протестовал против новых икон, украсивших московские храмы после страшного пожара 1547 г. Этот пожар, истребивший почти весь город и заставивший Ивана Грозного покинуть столицу и укрыться на Воробьевых горах, произвел также большие опустошения и в церквах. Для украшения отстроенных затем храмов правительство выписало

---

[1] Помещено в сборнике «Мастера искусства об искусстве», т. IV, стр. 15, Москва, ИЗОГИЗ, 1937 г.

[2] Стоглав, Глава 43, стр. 112 и след. изд. «Вольной русской типографии», Лондон, 1860 г.

иконописцев из Новгорода и Пскова, которые создали целый ряд икон по своим местным образцам, чуждым благоговейному обычаю москвичей.

Такой просвещенный человек своего времени, как дьяк Висковатый, публично протестовал против этих новых икон. Он заявлял, что иконописцы, создавая их, «проявили свое мудрование» [1] и что они «писаны без свидетельства». Речи Висковатого породили смущение в народе. Потребовался созыв специального собора 1554 г., где духовные иерархи подробно, пункт за пунктом, обсуждали сомнения Висковатого и давали на них свои объяснения. Собор признал чистоту и законность в вновь сооруженных иконах.

Из этого «розыска» мы узнаем, что известный руководитель посольского приказа дьяк Висковатый свято чтил иконы, но он придерживался восточной старины. Его субъективные вкусы и привычки тормозили прогресс развития иконописи как искусства. В то время, как иконописцы, вызванные в Москву, осуществляли в своих работах новое, «западническое», направление, носителями которого к тому времени были Новгород, Псков и их новая иконописная школа, общее стремление Ивана Грозного к сближению с Европой и ознакомление с ее культурой сделали возможным появление в Москве икон, немного разнящихся от апробированных традицией византийских образцов. Новые иконописные создания, впитав в себя все лучшее из традиции прошлого, обогащали его новыми техническими приемами, новыми средствами выразительности. Так создалась новая московская школа русской иконописи.

Здесь, как мы видим, слились внутренние законы развития древнерусской живописи с регламентирующими ее официальными узаконениями. Вторично, после эпохи Андрея Рублева, русская иконопись совершала свое, чисто органическое восхождение на новую ступень развития, миновав многие десятилетия строгого (временами чисто схоластического) копирования подлинников, рабского подражания раз апробированных прорисей, полученных мастерами многие столетия назад из Византии.

Следующий шаг, когда внутренние законы иконописи сочетались с внешними узаконениями, приходится на середину XVII в. Это был последний, но блестящий взлет русского искусства допетровской эпохи. Прежде чем достичь его русская иконопись пережила почти целое столетие застоя, связанного с эпохой Смутного времени и неустановившейся еще мощью русского государства во время царствования Михаила Федоровича. Всю эту эпоху постановления Стоглавого и следующего (1554 г.) Соборов оставались непререкаемыми и, руководствуясь их буквой, иконописцы эпигонски повторяли старые образцы.

В середине XVII в. в связи с изменившимися вкусами руского общества, с усилением связи Руси с западными и юго-восточными странами, на повестке дня настоятельно выдвигается вопрос о реализме в приложении к иконописи. Одновременно с этим передовые деятели русского просвещения видели, что массовая, чисто ремесленная иконопись, предназначавшаяся для рынка, находится в особенно разительном противоречии с требованиями общеэстетического порядка.

Один из просвещеннейших людей царствования Алексея Михайловича, крупнейший церковный иерарх, ученый, поэт и проповедник Симеон Полоцкий составил царю специальную докладную записку о состоянии иконописного дела в стране. Из этого документа мы узнаем

[1] См. академик Ф. Буслаев, «Древнерусская литература и искусство», т. 2, стр. 282 и след., Петербург, 1861 г.

следующие, весьма характерные подробности о положении иконописи тех лет.

Так, автор специально останавливается на иконописи, предназначенной для широкого (провинциального по преимуществу) рынка. Он говорит, что существуют мастера, «художеству не причастные», работающие без заботы «о истинном начертании, ничтоже блюдущие во оном художестве божественные чести, точию себе и считают, дабы чрево свое питати»[1]. Однако, как с горечью отмечает автор, подобная продукция находит большое распространение. — «Торговцы по заглушным уездным местам на торжках и по деревням те образа возами развозят, без всякой чести на все, елико могут, промен творят, зазор своей ни во что вменяя, и во окрестные государства развозят».

Симеон Полоцкий подробно объясняет затем высокое значение иконописания и распространяется о том, как оно возникло и развивалось по указанию Церкви, Соборов, византийских императоров и русских царей. Но, однако, продолжает он, с течением времени «В толикое честное художество совниде некое безчинство... оскудеша в епископиях зографи мудрии и размножишася отпущения; мазари буии наполниша не токмо торговые шалаши и простаков дома, но и церкви и монастыри... От неискусных и беззазорных иконописцев многое неистовство обретается на иконах».

Одну из причин подобного бедственного положения массовой иконописи своего времени Симеон Полоцкий видит в желании населения приобретать иконы ценою подешевле, т. е. общим экономическим положением народных масс. Покупатели, как отмечает он, интересуются прежде всего не художественными достоинствами образа, «а по своему намерению дешевых избирают». Подобное положение, по мнению Полоцкого, делает убыточной работу в области иконописи для хороших мастеров.

Полоцкий видел среди своих современников и больших художников, в частности, Симона Ушакова; он ознакомился с книгой изографа Иосифа Владимирова, посвященной иконописи как искусству (о ней мы будем говорить ниже); все это дало ему основание заключить свою записку красноречивой похвалой благородного труда подлинного иконописца-художника.

Данная работа Симеона Полоцкого легла в основу специального постановления Великого Московского Собора 1666—1667 гг., посвященного иконописи. Собор выпустил особую грамоту, где зафиксировал состояние иконописного дела в стране (термины ее и приводимые в ней факты чрезвычайно совпадают с цитированными выше высказываниями С. Полоцкого. Академик Л. Майков прямо называет его автором этой грамоты). В грамоте Великого Собора, наряду с практическими мероприятиями, — как организация надзора специальных старост за деятельностью иконописцев, надзор духовных властей — мы встречаем совершенно категорическое указание на роль и значение личности иконописца в общем. Соборное постановление стремится поднять социальное значение иконописца, ставя его деятельность выше и благороднее всех иных ремесел, приравнивая иконопись к книжному писанию. — «...Икон святых писателие, тщательные и честные, яко истинnии церковницы, церковного благолепия художницы да почтутся, всем прочим предсе-

---

[1] «Симеон Полоцкий о русском иконописании», опубликовано Л. М. Майковым, стр. 5 и след., Петербург, 1889 г.

дание художником да восприимут и кисть различно цветно употреблении тростью или пером писателем да предравенствуют; достойно бо есть от всех почитаемые хитрости художником почитаемым быти»[1].

В эти же годы, когда крупный ученый, деятель просвещения и церковный иерарх, Симеон Полоцкий близко принимал к сердцу положение национальной иконописи, а Собор выносил по этому поводу специальные постановления, сами русские иконописцы-художники, обеспокоенные судьбой родного искусства, публично высказались по этому вопросу.

Наличные иконописные подлинники, бывшие в распоряжении в то время у художников, особенно побуждали их к публичному высказыванию. Эти подлинники в ту эпоху уже утеряли свою стройную закономерность; переписываемые из поколения в поколение они, подобно самим церковным книгам, были полны искажений и нуждались в реформе, равной по своей радикальности реформе Патриарха Никона в богослужебных книгах.

В этой обстановке бесспорно освежающее значение имели проникавшие на Русь гравюры с лучших образцов западного религиозного искусства. Пластика, культ красоты тела, наличествующие в этих гравюрах, толкали мысль и углубляли вкус русских мастеров.

Старший собрат Симона Ушакова, государев изограф Иосиф Владимиров, написал специальную книгу, посвященную разбору состояния русской живописи[2]. Поводом к созданию этого замечательного памятника древнерусского искусствоведения послужили нападки некоего серба диакона И. Плешковича на зарождающуюся новую Московскую школу (об этой школе см. нашу статью в № 9 журнала). Сама эта работа посвящена автором Симону Ушакову — крупнейшему русскому иконописцу тех лет и признанному главе этой новой школы.

Иосиф Владимиров — усердный читатель постановлений Стоглава об иконописи. Эти постановления для него незыблемая теоретическая база; практические же примеры он черпает из лучших образцов западного искусства, проникавших к тому времени на Русь и становившихся достоянием наблюдения русской художественной интеллигенции. Многое осмысливает он критически своим умом, отрешившись от схоластического толкования старины. Автор строго отделяет вопросы веры европейских стран от чисто художественных вопросов, встающих при анализе образцов западного искусства. Это строгое и вдумчивое наблюдение дает ему основание поставить следующий основной тезис, подкрепляющий его реалистические вкусы: «Где таково указание изобрели несмысленные спорщики, которые одною формою смугло и темновидно святых лица писать повелевают? Весь ли род человеческий во едино обличие создан? Все ли святые смуглы и тощи были? Если и имели они умерщвленные члены здесь на земле, то там, на небесах, оживотворены и просвещены явились они своими душами и телесами... Кто из благомыслящих не посмеется тому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?» Многочисленными ссылками на священные писания подкрепляет автор выставленные им тезисы. Он подробно разбирает образы распространенных святых и праздников, протестуя

---

[1] Грамота опубликована в книге «Акты археографической экспедиции», т. IV, стр. 224, 226.

[2] Рукопись опубликована академиком Ф. Буслаевым в книге «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», т. II, С.-Петербург, 1861 г.

против той черноты и мрачности, которыми облекаются эти иконы. Так говоря, например, о Великомученице Екатерине, русский искусствовед XVII в. замечает: «Преславная Великомученица Екатерина по красоте и светлости лица своего так и названа была от Еллинов — тезоименитая небесной луне». Как же можно изображать ее темной и мрачной? Точно так же и на других святых указывает он, возмущаясь ремесленной, чисто схоластической практикой своих современников, находивших себе защитников вроде указанного выше серба Плешковича.

А эти староверы открыто провозглашали, что от красоты священных изображений бывает соблазн молящихся. Благородным негодованием дышит возвышенная речь благочестивого художника против подобных подозрений: «Как же не страшишься ты, о недостойный, взирати на блаженные лики и соблазн помышляти в сердце своем?» Так заканчивает Иосиф Владимиров свои чрезвычайно интересные рассуждения о русской иконописи.

Для Владимирова являются уже осознанными и назревшими такие технологические понятия как светотень в изображении ликов. Автор протестует против плоскосности (или как он говорит «писание сплошняком»); он стремится к объемности, точности рисунка. Все эти понятия, чуждые дотоле русской иконописи, он защищает в своей книге, одновременно стремясь сам, по силе своих способностей, реализовать их в собственных иконописных работах.

Симон Ушаков[1] своим творчеством блестяще доказал возможность применения к иконописи некоторых достижений современного реализма европейских мастеров. Однако он сознательно не порвал с традиционными формами древнерусской иконописи. Он нашел в своем творчестве то равновесие, когда внутренние законы развития иконописи как искусства могли сочетаться с теми узаконениями духовных властей, которые к этому времени были проведены в жизнь.

Святые лики в работах Ушакова и его школы полны истинной святости и величия, свойственного традиционным формам русского иконописания; в то же время, с внешней стороны, они очеловечены с помощью реалистических приемов живописи. В этом мы, например, можем видеть отличие иконописи XVII в. от всего последующего развития иконописания в XVIII—XX вв., когда художники под видом того или иного святого давали вполне реалистические изображения (а иногда и натуралистические) обыкновенного человека, весьма часто рисуя его с натуры, облекая лишь в одежду первых веков христианства. У молящихся, когда они взирают на работы послепетровских иконописцев, во внутреннем восприятии стираются границы между иконой и стилизованной исторической картиной. А так как каждая картина рисуется художником чрезвычайно индивидуально, лишь отражая его личные представления и чувства, то и иконы нашего времени не всегда могут удовлетворить каждого молящегося, так как они чрезвычайно индивидуалистичны; они лишены того объединяющего и сдерживающего начала, которое мы видели в иконописных подлинниках прошлого.

Наша краткая попытка объяснить взаимоотношения на протяжении многих веков узаконений, проводившихся в иконописи, с ее внутрен-

[1] Симон Ушаков также является автором книги об иконописи. Однако его работа, исполненная большого благоговейного чувства и значительной исторической эрудиции, не представляет для нас интереса на общем фоне развития русского искусствоведения того времени. Она помещена в «Вестнике археологии и истории», вып. XX, изд. Арх. Инст., Петербург, 1911 г.

ними законами, должна показать читателю всю органичность и одновременно специфичность высокого и святого искусства русской старинной иконописи.

В лучшие, счастливые моменты своего развития она подымается до вершин мирового искусства, часто превосходя соответственные западные образцы. Это случалось всякий раз, когда художники-мастера, осознавая всю святость стоящих перед ними задач, стремились осуществлять их с помощью последних технических достижений своего искусства, одновременно освобождая свою художественную индивидуальность от тормозящих схоластических пут старинных регламентаций. Это мы наглядно наблюдаем на всей истории русской иконописи.

Н. СЕРГЕЕВ

Корреспонденции с мест

В РЕДАКЦИЮ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Имею честь почтительнейше сообщить о получении мною 3, 4, 5, 6 и 7 номеров «Журнала Московской Патриархии», за которые приношу глубочайшую благодарность.

Этот журнал исполнен исключительного интереса о всех событиях церковной жизни в СССР, о которых мы ранее ничего не знали и не ведали, поэтому наша признательность особенно велика за столь дорогое для нас благодеяние, которое оказала нам почтеннейшая редакция «Журнала Московской Патриархии».

Вместе с этим мы не можем не поделиться нашей искренней радостью, которая заключается в следующем: 21-го сентября сего года, в день памяти Святителя Димитрия Ростовского, «Православия ревнителя и раскола искоренителя», к нам прибыл представитель Святейшего Патриарха Алексия, Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, который воссоединил нас с Патриаршей Церковью, затем некоторых собратий наших, уклонившихся в церковно-богослужебной практике в новостильную прелесть, вернул к исконному Православному месяцеслову, а все братство примирил и соединил в единое духовное стадо. Таким образом, тягчайшее духовное разделение, длившееся в среде нашей двадцать лет, прекратилось.

Все это произошло тихо, мирно, согласно и единодушно, к великой радости всего монастырского братства. Действительно, это торжество было настолько светлое, радостное, что от преизбытка благодарных чувств вся братия умиленно воспевала Пасхальные песнопения и хвалебный гимн Господу Богу «Тебе Бога хвалим!»

Всеми сими величайшими духовными благами мы всецело обязаны Святейшему Отцу нашему, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, который милостиво соблаговолил принять наше прошение от 26 ноября 1944 г. о воссоединении нас с Родной Матерью Российской Церковью, с каковой целью и командировал к нам Высопреосвященнейшего Митрополита Григория. Сей Благостный Архипастырь своей глубокой мудростию и истинной Святительской мерностью произвел то чудо, которое ранее казалось невозможным: примирил и соединил во едино все то, что ранее представлялось недостижимым.

Всем этим светлым и благодатным деяниям первее всего содействовал сам глубокочтимый Архипастырь, Высокопреосвященнейший Григорий, который на всех нас произвел неотразимое впечатление с момента его встречи; когда Владыка святолепно и торжественно шествовал к нам грешным, некоторые из нашей братии не могли удержаться от слез, от неизреченной радости по случаю прибытия к нам сего Благостнейшего Архипастыря, который всем своим духовным обликом не-

вольно располагал к себе, тем более что мы долгие двадцать лет были лишены счастия лицезреть наших Православных Русских Архипастырей.

Три дня Владыка пребывал у нас, утешая все братство торжественным Архиерейским священнослужением, проникновенными Святительскими беседами и завершением всех деяний своей трудной миссии.

Покидая нас, Владыка каждого из братии благословил и отечески облобызал, как родной, любящий Отец.

С великой грустью и все мы прощались с ним, и в последний момент прощания, братия спели стихи, посвященные нашей обители: «О дивный остров Валаам», которые Владыка с любовию выслушал.

Дни пребывания на Валааме Высокопреосвященнейшего Митрополита Григория, 21—23 сентября 1945 года, останутся для нас навсегда незабвенными, достопамятными и поистине историческими днями светлого возрождения нашей родной обители Валаамской после двадцатилетнего тягостного разобщения с нашей великой и святой Матерью — Православной Церковью Российской и пленения всех нас темными силами из лагеря разных непризванных «обновителей», «оживителей» и «преобразователей» церковной жизни...

Слава и благодарение Господу Богу, избавльшему нас от толиких бед!

Глубокочтимую редакцию «Журнала Московской Патриархии» прошу великодушно простить меня за опоздание моего ответа о получении вышеупомянутых номеров журнала.

С искреннейшим почтением и горячей благодарностью Валаамского монастыря недостойный инок

МОНАХ ИУВИАН

Папинниеми, Карвионканава. Финляндия.
30-го октября 1945 года.

ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ДЕКАБРЬ

3. День кончины Феофана * (Соколова), архимандрита Новоезерского. Родился в 1752 г. в г. Троицке. Начало иночеству полагал в Санаксарской пустыни под руководством старца Феодора (Ушакова); к этому же времени, видимо, относится также его знакомство со Св. Тихоном Задонским, которого он благоговейно называл одним из своих наставников. Перейдя во Введенскую пустынь к о. Клеопе, приобрел навык к внутреннему деланию—блюдению помыслов и умной молитве. В 1777 г. ушел в Молдо-Валахию в Тисманский монастырь к старцу Феодосию, где и был пострижен. По возвращении о. Феодосия в 1779 г. в Россию, жил с ним в Софрониевой пустыни, а затем в Александро-Невской Лавре в С.-Петербурге, откуда митрополит Гавриил взял его к себе в келейники. Прекрасные нравственные качества и истинно монашеское устроение снискали ему расположение и полное доверие митрополита, а духовная опытность и широкое знакомство с подвижниками многих обителей сделали его незаменимым советником в деле восстановления монастырей и монашества, и особенно в выборе достойных людей. В 1785 г. был рукоположен во иеромонаха, в 1791 г. поставлен во игумена Моденского, в 1793 г. перемещен в обитель Св. Кирилла Новоезерского, где потрудился в продолжение 30 лет. В 1799 г. был сделан благочинным ряда монастырей, в 1819 г. возведен в сан архимандрита. † в 1832 г.

4. День кончины Исаии (Зубкова), строителя Саровского. Родился в Суздале; 22 лет вступил в Киево-Печерскую Лавру, но ради строгости жизни перешел в Саровскую пустынь. В 1772 г. был пострижен, в 1777 г. рукоположен во иеромонаха, в 1794 г. избран в строители. 37 лет его настоятельства были отмечены ревностными заботами о преуспеянии братии, благоустроении пустыни и широком страннопроиимстве. † в 1807 г.

6. День кончины Иеремии * (Соловьева), епископа Нижегородского, почившего в затворе. Родился в селе Георгиевском, Ливенского уезда, Орловской губ. в семье причетника. Окончил в 1819 г. Севскую семинарию и через некоторое время был направлен в С.-Петербургскую академию. В 1824 г. пострижен и рукоположен во иеродиакона, в 1827 г. во иеромонаха, в 1829 г. возведен в сан архимандрита; последовательно проходил должности инспектора Киевской академии (1830 г.), ректора Киевской семинарии (1835 г.), ректора Киевской академии (1839 г.). В 1841 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской Митрополии. В 1843 г. назначен епископом Киевским и Черноморским. В 1849 г. перемещен в Полтаву, а в 1850 г. — в Нижний Новгород.

* Звездочкой (*) отмечены имена усопших, не канонизованных, но почитаемых за свою богоугодную жизнь.

В течение архипастырского своего служения, занимаясь внимательно и плодотворно епархиальными делами, уделяя время широкой благотворительности, преосвященный оставался сокровенным от мира подвижником и теплым молитвенником. В 1857 г. он получил возможность выполнить свое давнишнее желание и удалился в затвор в Печерский монастырь, где принял схиму; впоследствии он перешел в Нижегородский Благовещенский. Свято почил в 1884 г.

13. День кончины монаха Германа *, просветителя алеутов. Родился в г. Серпухове Московской губ. 16 лет ушел в Троице-Сергиеву пустынь С.-Петербургской епархии, а оттуда на Валаам. В 1794 г. был назначен в состав миссии на Алеутские острова. Успехи миссии были велики; много алеутов приняло христианство, была построена церковь, заведена школа, но в скором времени члены миссии выбыли один за другим и о. Герман остался в одиночестве на о. Еловом, где и трудился апостольски свыше 40 лет. Он учил, лечил и проповедывал, защищал от притеснений доверчивый и кроткий народ, помогал нуждавшимся из своих скудных средств, жил в суровых подвигах воздержания и теплейшей молитвы. Блаженной кончиной почил в 1837 г. Память его весьма чтима.

14. День кончины Илариона, митрополита Суздальского. Родился в 1632 г. в семье священника Нижегородского Зачатейского монастыря. В 1651 г. был пострижен и рукоположен во иеродиакона; в 1654 г. вступил в зачинавшуюся Флорищеву пустынь, где в 1655 г. был рукоположен во иеромонаха. Вскоре к нему собралось довольно братии и многими трудами сградился монастырь. В 1682 г. был вызван в Москву и посвящен во епископа граду Суздалю; в том же году возведен в сан митрополита. Святительствовал свыше 20 лет; имел дар слез и прозрения. † в 1708 г.

В тот же день кончина Иоанна * (Былова), затворника Сезеновского. Родился в 1791 г. в селе Потудани, Воронежской губернии, в семье крепостных. С детства удалялся игр, прилежал молитве; начал юродствовать с 15 лет, претерпев за это много гонений от своего помещика. Жил некоторое время в Киево-Печерской лавре, не оставляя юродства, а затем, по особому смотрению Божию, поселился в селе Сезенове в затворе. Чистая, добродетельная жизнь и крепкая молитва стяжали ему многие благодатные дары. † в 1839 г.

16. День кончины Софии *, схимонахини Покровской Суздальской обители. В миру Соломония, великая княгиня Московская, дочь боярина Юрия Сабурова и жена великого князя Василия Иоанновича, насильно им постриженная в 1525 г. † в 1542 г. Память ее чтима.

В тот же день память схимонахини Софии * (Болотовой), первой настоятельницы Шамординской Казанской Амвросиевой пустыни. Родилась в 1845 г. Одаренная, талантливая, она долго не могла найти себе должного применения в жизни и лишь мудрое водительство о. Амвросия Оптинского раскрыло внутреннее богатство ее души — поразительное смирение, послушание, жертвенность и доброту. Назначенная в 1884 г. настоятельницей Шамординской общины, она стала для сестер подлинной матерью и свято положила все силы на внутреннее и внешнее устроение обители. † в 1888 г.

17. День кончины иеросхимонаха Сергия Веснина (Серафима Святогорца). Родился в 1814 г. в семье дьячка села Пищальского, Вятской губернии. Учился в Вятском духовном училище, а затем — семинарии, которую окончил в 1833 г.; принял священство, но, овдовев, в 1839 г. постригся и некоторое время пробыл в должности эконома архиерейского дома. В 1843 г. уехал на Афон, где в 1844 г. принял схиму; в том

же году посетил Палестину. Свои впечатления об Афоне он описал в «Письмах к друзьям о Святой горе Афонской», имевших большой успех благодаря задушевности и возвышенной настроенности. Среди других его литературных работ надлежит отметить «Афонский патерик», «Русский Пантелеймонов монастырь на Святой горе Афонской» и «Духовные стихотворения святогорца». † в 1853 г.

18. День кончины Феодосия *, первого архиепископа Астраханского и Терского. Игумен Толгского и Астраханского Троицкого монастыря, в 1602 г. хиротонисан был Патриархом Иовом во архиепископа Астрахани. За смелые обличения и выступления против Лжедимитрия едва не был убит. Участвовал в 1606 г. в перенесении мощей царевича Димитрия из Углича в Москву. На обратном пути в Астрахань почил в том же, 1606 г.

20. День кончины Филарета * (Амфитеатрова), митрополита Киевского и Галицкого, в схиме Феодосия. Родился в 1779 г. в селе Высоком, Кромского уезда, Орловской губернии в семье священника. В 1797 г. окончил семинарию, в следующем году (1798) был назначен преподавателем, в том же году был пострижен, рукоположен во иеродиакона, а в 1799 г. — во иеромонаха. Учебно-воспитательное служение его юношеству продолжалось около 20 лет; он был, по отзывам, для своих питомцев «образ словом, житием, любовью, духом, верой и чистотою». Вскоре после рукоположения был назначен префектом Орловско-Севской семинарии, а через три года — ректором сначала в сане игумена, а затем и архимандрита. С 1804 по 1810 г. ректорствовал в Уфимской семинарии, а в 1810—1813 гг. — в Тобольской. Службой в Тобольске закончилась его педагогическая деятельность в семинариях, а вместе с тем и период жестоких испытаний и скорбей. Вызванный в Петербург, в 1814 г. был назначен инспектором Петербургской академии, получил степень доктора Богословия, в том же году перемещен инспектором Московской академии, в 1816 г. назначен ректором ее, а в 1817 г. — архимандритом Ново-Иерусалимского монастыря. В 1819 г. состоялась его хиротония во епископа Калужского и Боровского. В архипастырском служении отличался благостностью, благопопечением о сирых и убогих, любовью к благолепию церковному и храмозданию (выстроил свыше 25 каменных храмов) и немолчной проповедью слова Божия. Его «Беседы на Евангелие от Матфея» были в скором времени напечатаны. Основал два монастыря — «Добрый» и Иоанно-Предтеченский скит при Оптиной пустыни; заботился об образовании духовного юношества. В 1825 г. был перемещен на Рязанскую кафедру; в 1826 г. возведен в сан архиепископа; служение его здесь было непродолжительно, причем большую часть времени он провел в Петербурге, вызванный для присутствия в Св. Синоде в качестве члена. В 1828 г. был перемещен в Казань, где в числе прочих епархиальных дел особое внимание уделял миссионерству. В 1836 г. последовало его назначение на Ярославскую кафедру, а в 1837 г. — на Киевскую митрополию с возведением в сан митрополита. Облеченный полнотой духовной власти святитель оставался верным своему правилу доходить до всего лично, не щадя ни сил, ни труда, действуя в духе мудрой снисходительности и мира. Уделял большое внимание приходам с раскольниками и униатами, храмозданию (выстроил церковь в 1839 г. в ближних пещерах, восстановил Голосеевскую пустынь) и широкому благотворению. Улучшил учебно-воспитательное дело; Киевская академия прославилась при его правлении и вне пределов России блестящим составом профессоров и прекрасным внутренним строем, так что в нее стали поступать воспитанники из Молдавии, Сербии и Болгарии. Из них особенно известны

митрополит Филарет (Попеску-Скрибан) и митрополит Сербский Михаил. Святитель был избран почетным членом Академии наук, Общества истории и древностей российских, академий Киевской, С.-Петербургской, Московской и Казанской; университетов Киевского, Московского и Казанского. За 17 лет до кончины (в 1841 г.) принял схиму. В келейной жизни это был истинный монах — молитвенник и постник; на нем и при жизни почили явно знамения благодати Божией. † в 1857 г.

В тот же день кончина Антония * (Смирницкого), архиепископа Воронежского и Задонского. Родился в 1773 г. в Полтавской губернии, в семье учителя. Учился в Киевской академии. В 1796 г. поступил послушником в Киево-Печерскую лавру; пострижен в 1797 г., в том же году рукоположен во иеродиакона, в 1799 г. — во иеромонаха. В 1808 г. назначен начальником лаврской типографии, в 1814 г. начальником ближних пещер. В 1815 г. состоялось его назначение наместником лавры, а в 1816 г. он был возведен в сан архимандрита. В 1826 г. хиротонисан во епископа Воронежского, а в 1832 г. возведен в сан архиепископа. Подвижнически настроенный, он сиял на кафедре красотой безупречной жизни, смирением и дарами Св. Духа. Его попечениями совершилось в 1832 г. открытие мощей св. Митрофания, устроен (в 1836 г.) монастырь Благовещенский — Митрофаниев, написаны угоднику служба, жизнеописание и икона. Имя его как благодетеля и нищелюбца было известно не только в России, но и в Святой Земле и на Афоне. Отошел ко Господу в 1840 г.

В тот же день кончина Иоанна (Сергиева), протоиерея, настоятеля Андреевского собора в Кронштадте. Родился в 1829 г. в селе Суре, Пинежского уезда, Архангельской губернии в семье причетника. Учился в Архангельской семинарии и С.-Петербургской академии. В 1855 г. рукоположен во иерея в Кронштадский Андреевский собор. Всецело посвятил жизнь служению ближним. Пастырь-молитвенник и милостивец почил в 1908 г.

22. День кончины Александра * (Юнгерова), протоиерея Чагринского монастыря. Родился в 1821 г. в селе Аблязове, Пензенской губернии, в семье причетника. Учился в Саратовском духовном училище и семинарии, которую окончил в 1842 г. Священствовал на приходе свыше 40 лет и 20 лет — в Чагринском монастыре. Аскетическая жизнь, дар рассуждения и врачества привлекали к нему множество народа. † в 1900 г.

27. День кончины Варлаама (Петрова), архиепископа Тобольского. Родной брат митрополита Новгородского и С.-Петербургского Гавриила. Родился в Москве в семье священника Козьмо-Дамьянской церкви. Учение оставил по болезни и вступил послушником в Александро-Невскую лавру. Постриженный, рукоположенный во иеродиакона и иеромонаха проходил последовательно должности игумена Елеазарова монастыря и архимандрита Новоторжского Борисоглебского. В 1768 г. был хиротонисан во епископа Тобольского. Епархией управлял 33 года. В личной жизни был строгим аскетом и нищелюбцем. † в 1802 г.

30. День кончины Трифона *, архиепископа Ростовского. † в 1468 г. на покое в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре.

31. День кончины Макария, митрополита Московского. Поставленный в 1526 г. из архимандритов Лужецкого монастыря на Новгородскую архиепископскую кафедру, в 1542 г. был избран на Московскую митрополию. Многоразличные заботы его — об искоренении суеверий и заблуждений, о распространении просвещения, учреждение типографии, попечения о поднятии иноческой жизни, о распространении христианства на севере и востоке Руси, — сделали имя его досточтимым в гря-

дущих поколениях. При нем состоялись несколько важных Соборов, на одном из коих (1547 г.) было установлено празднование угодникам, новым чудотворцам русской земли и утвержден «Судебник», предложенный Иоанном IV соборному рассмотрению. Святитель владел блистательным даром красноречия; замечательны его речи, обращенные к Иоанну IV перед походом в Казань и по возвращении. Ценнейший памятник 20-летних его трудов, дошедший до нас, это «Великая книга Минеи-Четьи», состоящая из 12 огромных фолиантов, представляющая собой целую библиотеку, в которой были собраны не только жития святых, слова на праздники, но и обширные сочинения учителей Церкви. † в 1563 г.

Т. ПРЕЧИСТЕНСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

„ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“ ЗА 1945 ГОД

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЧИ, ПРОПОВЕДИ

СТАТЬИ

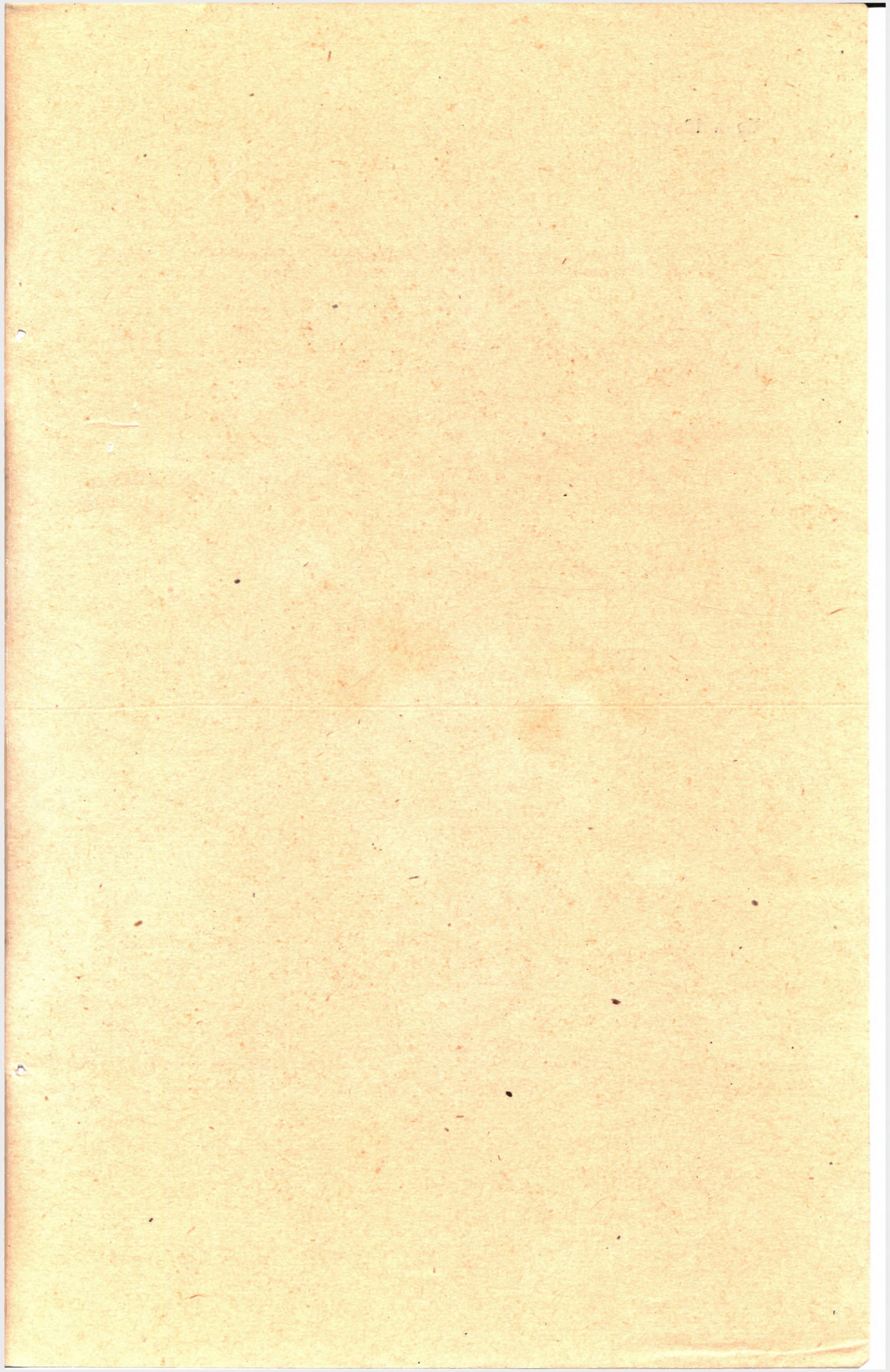
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

МОСКОВСКИЕ СВЯТЫНИ

ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

СОДЕРЖАНИЕ

13-я типография треста „Полиграфкнига" ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Денисовский, 30. Зак. 2769

Цена 10 руб.